

134300

Б. ИОТЕЧНЫЕ
ПРЕСТУПНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО /ТРУД
ХАРЬКОВ : : : 1924

№ 134300.

БЕРЕГИТЕ КНИГИ!

**НЕ ПЕРЕГИБАЙТЕ КНИГУ
В О ВРЕМЯ ЧТЕНИЯ**
Не загибайте углов.
Не делайте надписей на книге.
Не смачивайте пальцев слю-
ною, перелистывая книгу.
Завертывайте книгу в бумагу.

0212
Ш. 88

К

БИБЛИОТЕЧНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

02
5594.

СБОРНИК СТАТЕЙ

В. ШТЕЙНА, проф. А. БЕЛЕЦКОГО
и проф. М. АЛЕКСЕЕВА под ред.
и с предисловием Б. О. БОРОВИЧА

134300.

ИЗДАТЕЛЬСТВО /ТРУД/
ХАРЬКОВ : : : 1924

55

Кто из сельских хозяев не знает, какой громадный вред наносят полям саранча и суслики, жучек и тля? И кто из них не борется с этим бичем, который способен в несколько дней уничтожить труды целого года? Хлебопашец и садовод и огородник готовятся к бою, поджидают противника и вступают с ним в борьбу,— иначе погибнет хлеб и пропадут овощи и засохнут деревья.

Что жучек для полей и тля для садов, то книжный вредитель для дела культуры, то библиотечный вор для народного образования. Это бич, который разрушает орудия просвещения; это саранча, которая набрасывается на нашу пищу и безжалостно ее уничтожает; это хищник, который систематически душил свою жертву — ни себе ни другим...

Зайдите в любую крупную библиотеку и рассмотрите любую сотню книг: там — нет листков, тут — вырезаны чертежи, а здесь — украдены целые главы. Возьмите любой специальный журнал, загляните хотя бы в старое „Театр и Искусство“ — ни одной книжки целой; в каждой одна-две пьесы вырезаны, всюду следы человеческой „культуры“. И удивительно ли, если библиотеки боятся выдавать даже в читальном зале разные ценные издания? Удивительно ли то подозрение, какое закрадывается всякий раз, когда незнакомый читатель требует какую-нибудь редкостную книгу? Ведь вчера переплет сорван с „нужной“

читателю книжки, и вклеена в него никчемная брошюра; третьего дня „профессор“ замечен был за вырезыванием главы из математической книги; а завтра ценный труд окажется на толкучем рынке...

Все, кому дорого дело народного образования, должны подняться на защиту культурных ценностей и на борьбу с двуногими хищниками. Нужно вступить в бой со всеми теми, кто не только крадет книгу и не только расхищает книгохранилища, но кто, вообще, обращается с книгой хуже, чем с собственным носовым платком. Будем неустанно бороться за то, чтобы не ели люди с книгой в руках, чтобы не спали с ней, чтобы не перегибали в переплете, не муслили в концах, не пачкали на полях. Будем постоянно останавливать тех, кто книгу обращает в портфель, кто делает из нее покрывало, кто превращает ее в тряпку. Будем добиваться уважения к книге и к читателю, который возьмет ее после нас. Будем бороться за книгу и у себя в квартире, и в чужом доме, в учреждении и в трамвае, в клубе и в библиотеке; будем останавливать и себя и своих близких и чужих, незнакомых. Ибо будем помнить, что книги сейчас дороги, а без них нет культуры, нет просвещения.

И тогда, быть может, отойдет в область печальной истории варварство и вандализм и преступность „культурных“ читателей XX столетия. Тогда и библиотека не будет расхищаться и перестанет с опаской глядеть на своих читателей — не зачитает ли? не вырвет ли главы? не вырежет ли рисунка?..

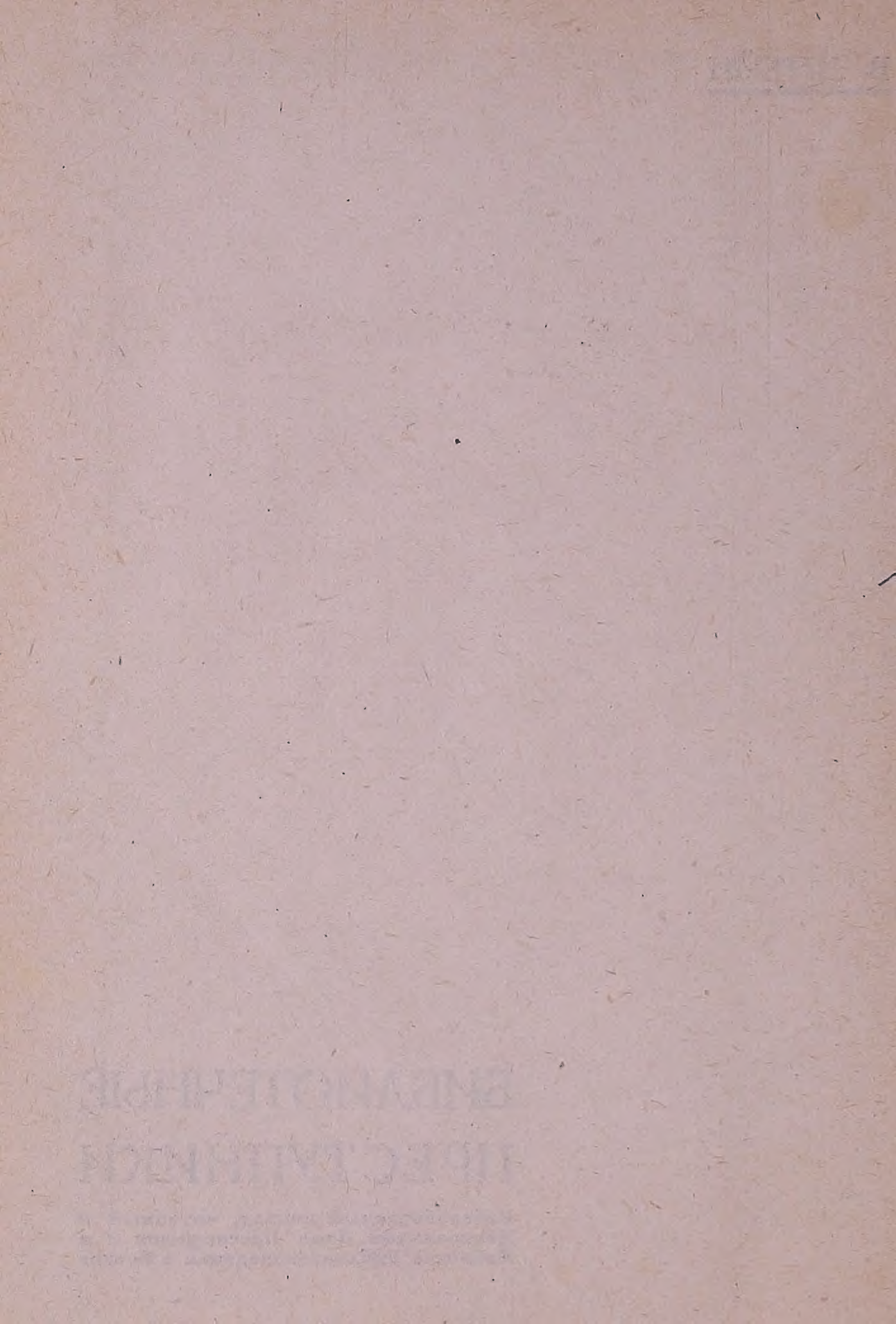
Делу борьбы с библиотечными хищниками и посвящен настоящий сборник.

Б. Борович

В. ШТЕЙН

БИБЛИОТЕЧНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Переработанный доклад, читанный в
Центральном Доме Просвещения и в
Кабинете Библиотекосведения в Москве

БИБЛИОТЕЧНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Типы „библиотечных преступников“

Вопрос о порче и хищении книг из библиотек в последнее время обращает усиленное внимание библиотечных работников. Его освещению и разработке посвящен ряд монографий и статей как в библиотечной, так и в общей печати¹⁾

Библиотечная практика успела также изобрести многочисленные виды и формы агитационно - просветительных мероприятий (показательные суды над вредителями, похороны „замученных книг“²⁾, лекции, доклады, дни книги, выставки и т. д. и т. д.)

1) Так, А. Р.(огинский) „Охрана книг“. Хрк. В.Р.С. У.В.О. 1923 г. стр. 26, (перепеч. с измен. в „Сб. стат. по биб. раб.“ вып. II; в сборнике „В помощь библиотекарю“ М. В. В. Р. С. 1923 г.); Я. Киперман. „Борьба с вредителями книг“—Сб. „Библиотека“ Смоленск 1922 г.; специальный номер „Книгоноши“ № 30 от 22 декабря 1923 г.; С. Н. „Спасайте книгу“, „Книгоноша“ № 26 от 24 ноября 1923 г.; А. Емельянов—„Хищение книг как народное бедствие“ „Казанский Библиофил“ № 4 за 1923 г., Б. Карпинский. „Не губи книгу“ „Правда“ № 292 за 1923 г.

2) См., например, Известия Ц. И. К. № 274, 30—XI—23 г. и № 41, 19—II—24 г.

Опасность, угрожающая библиотечному делу, понята достаточно хорошо; уяснена также и необходимость борьбы с ней. Нечего, конечно, удивляться увеличению в наше время преступности в библиотеках. Послевоенное время увеличило, усилило ее не только в библиотечном деле и не только в России. На 19-ом съезде немецких библиотекарей, происходившем в 1923 г., берлинский библиотекарь доктор Улендаль, характеризуя положение в Германии, сообщил, что там „грабежи книг и злостные повреждения приняли размеры, достойные сожаления“, и что „эти безобразия приняли последнее время такие размеры что обратило на себя внимание Прусского Министерства Образования¹⁾. Даже в Америке, стране, менее других пострадавшей от войны,— дело обстоит далеко не благополучно, как это можно было заключить из доклада американского библиотекаря д-ра Лейденберга, сделанного им в Кабинете Библиотекосведения, в Москве в конце 1923 г.

Причины, вызвавшие усиление библиотечной преступности,—самого разнообразного порядка. Здесь и общие экономические причины, и уменьшение личных бюджетов, и дорожание книги и квартирные условия. Тут и мотивы психологические: грандиозность и быстрота темпа переживаемых событий создает настроение, при котором невозвращение книг в срок

1) Zentralblatt für Bibliothekswesen 1923. Н. 8—10; S. 430.

в б-ки или даже их полное зачитывание, кажутся фактами незначительными, несущественными; сюда же относится и нарушение нормальной деятельности библиотек в области надзора и по затребованию книг от неисправных читателей. Наконец, не следует забывать и о „наследии прошлого“: еще в первом издании 1911 г. своего „Руководства для небольших библиотек“ Л. Б. Хавкина отмечала: „просрочка, порча и пропажа книг... составляют больное место русских библиотек“ (стр. 97). Распространенный взгляд на библиотечную книгу в наших интеллигентских кругах всегда был близок к той своеобразной и циничной формулировке, какую нам пришлось слышать от одного из читателей: „обмануть свою жену и зачитать чужую книгу у нас никогда не почиталось преступлением“. Сколько раз библиотекам в прошлом приходилось сталкиваться с непониманием, с тупым упорством обывателя, когда эти библиотеки выступали на борьбу с „двуногими вредителями“. Обыватель мог принять об'явление в саду, передававшее охрану цветов „всем и каждому“, но он ни за что не согласился бы участвовать в общественной охране книг. Известен факт (1909), когда в читальном зале библиотеки бывш. Румянцевского Музея все выставленные плакаты,—с просьбой бережно обращаться с книгами и внушать то же другим,—на другой же день после их опубликования были уничтожены читателями. Эти плакаты „оскорбляли“, считались чем-то

неуместным“, ибо, повидимому, вызывали неприятные ассоциации...¹⁾ Словом — это еще из прошлого нам звучит грустная сентенция французских библиофилов:

„Tel est le triste sort de tout livre prêté,
Souvent il est perdu, toujours il est gâté“²⁾

(Всех взятых на дом книг — печальная судьба.
Утери частые, а порча уж всегда).

Но понять, об'яснить причины сознаваемой „опасности“ еще не значит предотвратить ее. Для успешной борьбы с библиотечной преступностью недостаточно также и приложение одной только, хотя бы и значительной энергии. В борьбе „до победного конца“ с „вредителями“ библиотечной практике предстоит весьма длительный путь, полный разочарований и поражений. Наряду с применением ряда практических мер борьбы, потребуется и их теоретическое осмысливание, их принципиальное обоснование. Какие из применяющихся мер наиболее целесообразны, как велики пределы применения той или иной меры (напр., привлечение к уголовной ответственности), насколько по силам те или иные способы борьбы для отдельных библиотек, — все эти и многие другие вопросы потребуют осторожного и вдумчивого разрешения. Прежде, чем дать на них посильные ответы, мы попытаемся установить те типы „библиотечных

¹⁾ Из заметки в „Русских Ведомостях“ 7/XI 1909 г. № 256.

²⁾ Приведено у А. Сим. Le Livre F. II p. 343 Paris.

преступников“, которые являются наиболее распространенными в условиях [нашей библиотечной действительности].

В целях определения той или иной системы мер в каждом конкретном случае, распределим наиболее занимающих нас „библиотечных преступников“ по тем мотивам, которые лежат в основании их „преступных деяний“. Можно бы наметить следующие наиболее характерные типы библиотечных вредителей: 1) небрежный, халатный читатель, 2) преступник из нужды или корысти (мотивы экономического порядка), 3) вредитель из научных, коллекционерских или эстетических побуждений.

Так называемая „читательская небрежность“ всегда и неизбежно является следствием отсутствия элементарных навыков общественности, недопустимой недооценки того значения, какое имеют книги и библиотеки, организующие их обращение. Эта читательская халатность, причиняющая столько беспокойства библиотечному персоналу и неудобств самим же читателям, особенно губительно выявляет свои отрицательные черты в форме зачитывания книг (книги в этом случае не возвращаются в срок в библиотеку не из желания их присвоить, а так... по забывчивости, из лени, по недостатку времени и т. д.). Представители этого рода „преступности“ — „читатели-зачитыватели“ никогда не следят за сроками возврата, не интересуются тем, сколько причиняется этим неудобств;

они сердятся на библиотекарей за указания на нарушение правил пользования и искренно негодуют, когда по отношению к ним библиотеки применяют те или иные репрессии (штраф, привлечение к суду и т. д.).

Словом, невозвращение книг в срок для „зачитывателей“ — это лишь неисполнение несущественных и докучливых формальностей. В приговоре от 20 - го ноября 1921 г. по делу, возбужденному Московской Районной Библиотекой имени В. С. Ключевского, Народный Суд так образно охарактеризовал этот тип „библиотечных преступников“. Суду невольно припоминается басня великого баснописца Крылова: „Свинья под дубом“. Какое дело свинье до всех и вся — „лишь были б желуди“. Обвиняемые подходят под эту басню и мысленно — может быть, даже не отдавая себе отчета, — говорят: „какое мне дело до других — я взял книгу, прочитал ее и потерял, а до остальных мне дела нет“... Эта же преступная небрежность находит себе выражение в самых разнообразных формах порчи книг. Сколько сотен таких испорченных, „замученных“, обреченных на скорбное бездействие книг накапливается ежегодно в каждой библиотеке. Вот перед нами книга с совершенно обгоревшими углами — это читатель заслонял от себя тревоживший его сон свет лампы; вот книга с огромным сальным пузырем на переплете, — эта книга служила крышкой для сосуда с супом или

борщем; вот книги, исчеркнутые и изрисованные усердными или глубокомысленными читателями до такой степени, что разобрать их текст не представляется никакой возможности; вот книги, разрезанные карандашами, щепками, булавками и прочими „орудиями производства“ их владельцев — и с такой энергией, что, по образному выражению проф. Адарюкова, поля их обратились в подобие испорченной пилы¹⁾.

Из всех перечисленных форм проявления читательского антиобщественного книговредительства, особенного внимания заслуживает порча книг, выражающаяся в подчеркиваниях, всевозможных надписях и т. д. Кто не видел библиотечных книг, в которых буквально все строчки подчеркнуты? Один из читателей считает необходимым подчеркивать одни „важные места“, другой — другие, и в результате получается сплошная карандашная, а иногда и чернильная линия, начинающаяся от первого абзаца и идущая до последней точки книги. Борьба с этим читательским пороком особенно трудно потому, что весьма многие читатели уже приходят в библиотеку с этой пагубной привычкой в работе со „своими“ книгами. В этой неисправимой привычке черкать свои книги т. Смирнова и С. Н. („Книгоноша“ № 26 от 24 - XI — 23 г. и № 12 от 22 - III — 24 г.) справедливо усматривают великую „угрозу библиотечным книгам“.

¹⁾ А д а р ю к о в, В. — Враги книги. (См. ж. „Казанский Библиофил“ № 2 — 1921 г.).

Второй вид „библиотечной преступности“, также весьма распространенный, — это вредительство по мотивам экономического порядка, из нужды и из корысти.

Книга дорога, особенно дорог учебник; достать ее во временное пользование нельзя, а если и можно, то также не даром. В библиотеке почти всегда очередь на ходкую книгу, а в читальне часто нет минимума удобств (холодно, шумно), — вот и возникает потребность прибегнуть к способу „тайного уноса“. Тип этого рода „библиотечных преступников“ распространен преимущественно среди библиотек, обслуживающих учащихся.

Здесь играет, конечно, большую роль бедственное положение учащихся и актуальная потребность у них в книгах. Интересно отметить обстоятельство, известное в практике многих библиотек: „утащенные“ из библиотек и читален книги, по миновании в них надобности, нередко возвращаются обратно в библиотеку с посыльным, по почте, иногда с письмами покаянного, извиняющего их авторов характера. Здесь не место останавливаться на тех многочисленных уловках, к которым прибегает, чтобы обмануть бдительность библиотекарей, указанный выше „преступник по несчастью“. Отметим лишь одну историю этого рода, случившуюся еще до революции в одной из столичных библиотек, — колоритную своим любопытным завершением. Старательно

приходил читатель в читальню и все спрашивал „Капитал“ Маркса т. I. В силу тех или иных причин, решил этот читатель перенести свои занятия с книгой в другое, более удобное, или, может быть, более безопасное для его занятий место. Чтобы обмануть бдительность библиотекаря, ему пришлось принести другую, равновеликую по об'ему книгу в читальный зал, вырвать из переплета „Капитал“ и вставить в пустую папку переплета принесенную из дома книгу. При обратной сдаче библиотекарь не заметил подмена, и все обошлось „благополучно“¹⁾. Когда подмена была, наконец, обнаружена, об этом случайно узнал некий купец N, который очень обрадовался и тут же так об'яснил причины проявленных им чувств: „Есть эта самая книга у меня. Купил я ее, думал полезная будет мне в деле, потому „капитал“ на ней написано. Начал читать — вижу никакой выгоды от нее не будет да и написано как-то тяжело. Желаю подарить ее вам в библиотеку“. Долго еще потом эта книга была в пользовании читателей библиотеки и стояла на ней пониже заглавных строк — „К. Маркс Капитал“ — знаменательная надпись: „В дар библиотеке такой-то от купца такого-то“.

Реже встречается тип вредителей из корыстных побуждений. Но, попавши в библиотеку, такой

¹⁾ Вообще, подмена книг путем вклейки в переплет принесенной с собой книги — явление очень частое. Прим. ред.

„вредитель“ уже библиотечный преступник без всяких кавычек и может натворить не мало бед. Вербует он как из состава постоянных читателей, соскользнувших на „торную дорожку“, так и из посторонних библиотеке элементов, занимающихся этим делом, как выражается уголовный закон, „в виде промысла“. Так, в 1909 году московскому окружному суду пришлось иметь дело с неким „потомственным почетным гражданином“ М. П. Козновым, вначале усердно работавшим над изучением гравюр в московском Румянцевском Музее, а затем также усердно занявшимся их хищением с целью продажи и поддержания своего упавшего состояния (всего Козновым было похищено гравюр на сумму свыше 10.000 р.). Интересно отметить, что суд не только оправдал Кознова, но и оставил без удовлетворения предъявленный музеем иск¹⁾.

Более страшным, однако, врагом книжных коллекций библиотек, — особенно, библиотек крупных, хранящих ценные и редкие издания, — является вор-профессионал. Он ловок, знает все обычаи и правила библиотеки не хуже самих библиотекарей, хорошо осведомлен о недостатках техники по выдаче и хранении книг и не останавливается ни перед какими препятствиями. В недавнем еще прошлом в одной из наших крупнейших библиотек была открыта

¹⁾ „Гол. Москвы“ № 260, 1909 г. 12 ноября; см. также „Рус. Вед.“ за то же число.

целая организация, действовавшая под руководством опытного и знающего „книголюба“. Нужна была та или иная книга, ее трудно или невозможно было почему-либо достать, шли к нему с просьбой выручить. Благожелательный „книголюб“, если разыскиваемой книги у него не было, справлялся по особой своей тетрадочке, в какой ее можно достать библиотеке (в тетрадке и цифры библиотечные для удобства были проставлены), и посылал агента „подстрелить“, как выражались, нужную книгу. Если хозяин этого „предприятия“ получал значительные барыши, то „стрелки“ его не очень щедро вознаграждались: получали от 5 до 30 коп. с книги. Когда же они и пытались указывать на незначительность своей „заработной платы“, хозяин им внушительно раз'яснял, что они „воры“ и что стоит ему, хозяину, кое-кому шепнуть, чтобы карьера их была навсегда прекращена.

Есть еще один вид преступности, издавна хорошо знакомый библиотекам. Мы имеем в виду вредительство из научных побуждений. Сюда же можно было бы отнести вредительство, вытекающее из „эстетических потребностей“ и коллекционерской книгомании. История многих крупных библиотек знает немало грязных происшествий такого рода, запятнавших позором весьма почтенные ученые имена. Здесь и кража или порча уникалов, в целях сокрытия их от ученых конкурентов или

опубликования их раньше других; тут и вырезка статей, цитат, чертежей и диаграмм по причине недостатка времени на их списывание; здесь и изъятие „ненужной“ библиотеке (по мнению изымающего, конечно) книги, гравюры или таблицы в целях пополнения собственной коллекции „единственным недостающим экземпляром“.

Раскрытие преступлений подобного рода всегда бывает сопряжено с большими трудностями. Виновниками в этих случаях являлись и являются лица, пользующиеся общим уважением, имеющие доступ в самое сокровенное „святая - святых“ книгохранилищ. При этом, если библиотеке и удавалось нащупать истинных виновников, ей нередко приходилось констатировать своеобразное обстоятельство: общественное мнение стремилось заранее оправдать или затушевать дело. Часто дело, начавшееся с большим шумом, оканчивалось ничем: гора рождала мышь. Так было с нашумевшей в 1909 году историей одного из сорёдакторов символистского журнала „Весы“ — Эллисом (Л. Л. Кобылинским), обвиненным газетными недругами в воровстве нескольких страниц „Симфоний“ А. Белого. Суд чести признал, однако, Эллиса виновным лишь в „крайне небрежном отношении... к имуществу, составляющему общественное достояние“, а судебный следователь и вовсе направил все дело к прекращению. Как свидетельствует А. Белый, печальная история эта, все - таки, окончилась.

весьма трагически для Эллиса: „с того времени, — пишет Белый, — в Эллисе замечается явный уклон к оккультизму, и скоро он становится приверженцем Штейнера¹⁾).

Более определенным по результатам является древнее дело ученого богослова, бывш. приват. - доц. Мюнхенского Университета и библиотекаря Петербургской Публичной Библиотеки Алоизия Пихлера, имевшее место в 1871 году и известное в библиотечных кругах под именем „пихлериады“. Почтенный ученый был пойман во время уноса из библиотеки средневекового издания Творений Амвросия. Произведенным обыском на квартире А. Пихлера было обнаружено множество ящиков с упакованными в них книгами — для отправки за границу. Всего в ящиках было найдено свыше... 4.000 библиотечных книг. Суд приговорил А. Пихлера к лишению прав и к ссылке в Тобольскую губернию. Только вмешательство баварского правительства спасло Пихлера от фактического отбывания наказания и дало ему возможность окончить жизнь, хоть и в великой нищете, но на свободе и на своей родине²⁾).

Сюда же следует отнести и тот вид библиотечной преступности, основания которой коренятся в

1) Сб. „Эпопея“ № 4—1923 г. Берлин, стр. 152.

2) Об этой истории см. Труды В. Н. Стасова, а также „Русский Библиофил“ за 1911 г. №№ 3 и 4 (ст. ст. А. Петрова и П. Столянского).

обычной обстановке коллекционерского ажиотажа. Постоянная погоня за экземплярами, могущими пополнить „единственную в своем роде“ коллекцию ее собственника, желание блеснуть наличием книги, которой ни у кого нет, — стимулируют появление особой „коллекционерской“ морали, по которой утащить книгу у своего лучшего друга или в любой библиотеке не признается предосудительным. В коллекционерской среде этого рода вполне уместны экс-либрисы вроде: „к черту просящих почитать книгу“ (начала XVII в.). Здесь ведь хорошо знают привычки друг друга и всегда склонны предполагать за лицом, просящим книгу почитать „временно“, желание зачитать ее на „вечные времена“. И, вероятно, из этой среды вышло меланхолическое изречение: „Les livres prêtés ne sont jamais rendus“ (книги, которые одолжают, никогда не возвращают). Мы не хотим этим сказать, что большинство коллекционеров и их деятельность всегда бывает вредна или не нужна. Напротив, весьма многие из них отличаются скрупулезнейшей честностью; весьма ценные коллекции многих из них служат теперь справедливой гордостью народных книгохранилищ. Многие из них жили в превеликой нужде, в невозможных условиях, из-за необходимости пополнять свои собрания такими изданиями, которые без их усилий могли бы быть утрачены человечеством навсегда. Тем не менее многим библиотекарям никогда, наверное, не удастся

отделаться от неприятной профессиональной привычки настораживаться каждый раз, когда раздается слово „коллекционер“.

Изложенными моментами, конечно, не исчерпываются все формы и виды библиотечной преступности. Выше были отмечены лишь наиболее опасные или распространенные. Так, ни к одному из указанных видов нельзя причислить книговредительства из-за особой показной удали — читательское хулиганство. Нельзя, например, объяснить только небрежностью бесцельную порчу книги, экспонированной на выставке испорченных книг в Московской Районной Библиотеке им. Ключевского: грубо отрезан угол переплета и искромсан целый ряд страниц. Не научными соображениями руководствовалась какая-то, повидимому, читательница, сделавшая на странице „Русских Записок“ вышивку слова „Л е л я“ (была помещена на той же выставке).

Бывают случаи, когда в основе „книговредительства“ лежат и мотивы высшего, идейного порядка. Нам, например, известна такая произошедшая еще до революции не совсем обыкновенная история. В одной библиотеке был кем-то когда-то составлен довольно значительный отдел черносотенной погромной литературы в стиле шмаковских „Еврейских Речей“. Долгое время этот отдел стоял без всякого внимания со стороны читателей, но затем неожиданно он превратился в самый любимый, в наиболее часто

спрашиваемый. Только много времени спустя были установлены истинные причины, повывившие спрос на эти книги. Оказалось, что все книги из этого отдела, сохранивши свои переплеты и мрачные заголовки, каким-то чудом переменили свое истинное содержание. Под каждым переплетом были обнаружены, совершенно не отвечающие значившимся на них названиям, книги из каталога запрещенных изданий или, как они раньше назывались, „произведений подпольной литературы“. Кто был истинным вдохновителем и исполнителем того „преступления“: революционный ли кружок, действовавший в районе библиотеки, или кто-либо из библиотечного персонала,— так и не удалось установить.

**Меры борьбы
с библиотечной
преступностью**

Попытаемся, исходя из указанного, определить те принципы и формы мероприятий, которые могут быть применяемы в области борьбы с библиотечной преступностью. Прежде всего, необходимо сделать следующие замечания. Библиотечная преступность, как и всякая преступность, вообще, в условиях современных нам форм капиталистического хозяйства, не может быть окончательно ликвидирована. До тех пор, пока есть не могущая быть в достаточной степени насыщенной потребность в книгах; пока действует социальный закон, делящий на богатых и бедных, на сознательных и малосознательных, —

ставить вопрос о борьбе с библиотечной преступностью мы можем лишь в плоскости сведения ее до возможного минимума. Но следует ли отсюда, что в наших условиях жизни невозможно вообще бороться с „ветряными мельницами“? Нечто подобное пришлось нам слышать от одного из наших оппонентов при чтении доклада на ту же тему. Лучшим опровержением такого пессимистического утверждения послужило бы наблюдение над деятельностью любых двух библиотек: в одной, ведущей борьбу с этим злом, и в другой, таковой не ведущей. Ставши на такую точку зрения, нужно было бы признать неуместным существование у нас и уголовного кодекса, введенного, как известно „на переходный к коммунистическому строю период времени“ (У. К., статья 6).

Если же мы констатируем, что библиотечная преступность есть явление того же порядка, что и преступность, вообще; если мы признаем необходимость энергичнейшей борьбы с ней, то нам необходимо воспользоваться и всеми теми путями, коими наше общество борется вообще с преступностью. Прежде всего, это будут меры предупредительного характера, а затем, на худой конец, и меры карательные или, как выражается наш уголовный кодекс, исправительно-трудовые.

Меры предупредительные Что касается мер предупредительных, или, как их иначе называют, предохранительных, их следует разделить на две основные

группы : 1) меры, обращенные главным образом внутрь библиотечной работы, или организационно - технические и 2) меры в сторону воздействия на психику читателей или агитационно - просветительные, морально - воспитательные. Недостаток места не позволяет нам подробно останавливаться на всех возможных мерах борьбы, и мы попытаемся ниже наметить лишь наиболее, по нашему мнению, важные.

1. Организационно - технические мероприятия занимают обычно второстепенное место. Нам такое положение кажется не нормальным. Мы считаем более правильным мнение, высказанное нам А. А. Покровским: при идеальной постановке техники выдачи, приема и хранения книг и при надлежащей организации прочих видов библиотечной работы, — вопрос о преступности вообще не может возникать в библиотеках. Если в условиях нашей библиотечной действительности создать указанную идеальную обстановку работы и невозможно, то к этому, во всяком случае, следует энергичнейшим образом стремиться. С изложенной точки зрения обращение к помощи агитационно - просветительных средств, без соответствующего улучшения организационно - технических приемов библиотечной работы, окажется или вовсе бесплодным или полезным лишь в малой степени. Главными организационно - техническими предупредительными мерами мы считаем: 1) надлежащую постановку контроля при записи

подписчиков в библиотеку, 2) улучшение оповещения читателей о тех правилах пользования библиотекой и обращения с книгами, которые та или иная библиотека предполагает применить по отношению к своим читателям, 3) регулярность и пунктуальную настойчивость в применении побудительных мер по возврату просроченных и зачитанных книг, 4) продуманное улучшение внутреннего распорядка прочих работ по выдаче книг на дом и в читальном зале.

Что касается контроля при записи вновь вступающих подписчиков, то ему следует придавать особенно важное значение. Новый читатель есть для библиотеки новый и желанный объект для ее будущей работы, но он вместе с тем нечто неизвестное для библиотеки, некий, выражаясь математически, *X*. Устанавливая свое знакомство с ним, библиотека должна вместе с тем обезопасить себя и от всяких неприятных возможностей. Поэтому весьма многие библиотеки при первой записи справедливо требуют представления документа с отметкою о прописке, удостоверения личности или соответствующей справки от домоуправления. Кажется целесообразней, для более или менее крупных библиотек, практика, усвоенная библиотекой имени Ключевского в Москве¹⁾. При вступлении в эту библиотеку требуется представление удостоверения от домоуправления

¹⁾ и Харьковск. Гос. Библиотекой (б. Общественной) в Харькове. — П р и м. р е д.

или с места службы о том, что данное лицо проживает там-то или что оно служит в таком-то учреждении. Подписывающее такое удостоверение, ответственное по домоуправлению или учреждению лицо дает одновременно подписку выполнять § 3 Обязательного Постановления Президиума Московского Совета от 8/VII 21 г., гласящего: „Домкомам, при выезде жильца из дома, учреждениям при оставлении сотрудником службы вменяется в обязанность требовать удостоверения обратно с отметкой библиотеки о сдаче книг. За неисполнение сего председатель домкома и ответственное лицо учреждения будут привлекаться к судебной ответственности“. Талон от такого удостоверения отрывается домкомом или учреждением и хранится в их делах. Ясно, что эта практика может быть усвоена только там, где Исполкомами изданы аналогичные постановления.

Обычно возражают против всех этих способов обеспечения, указывая на то, что они хлопотны и неудобны для читателей; однако, пока мы не знаем ничего более простого, придется признать их неизбежными. Сюда же относится и обязанность читателей оповещать библиотеку о всякой перемене их адреса, а также и сдавать книги при отъездах или хотя бы длительных отлучках из района деятельности библиотеки. Такой контроль при записи новых подписчиков имеет своей целью: 1) установление того, что данный новый подписчик, записывающийся в

библиотеку, является тем именно лицом, за кого он себя выдает, 2) определение его действительного местожительства как в момент записи, так и при последующих переменах квартиры (обязательство извещать о том библиотеку).

Прочие виды обеспечения библиотек от всякого рода неприятных случайностей в этой области, известные библиотечной практике в дореволюционный период, могут иметь либо весьма ограниченное поле применения, либо должны быть отброшены вовсе, как не отвечающие духу современной библиотечной политики. Так, залого несовместимы с идеей массовой библиотеки, обслуживающей малоимущие слои населения. Введение поручительств неизбежно ограничивает круг читателей теми, которые могут найти себе таковых ¹⁾. В библиотеках, действующих при учреждениях (напр. ВУЗ'ах), весьма часто вводится в действие правило, по которому никто из лиц, принадлежащих к составу учреждения (напр., профессора, студенты), не может получить документов и денежного расчета при увольнении или отчислении до получения справки от библиотеки о том, что за ним

¹⁾ По этому поводу А. Р.(огинский) в своей работе „Охрана книг“ делает такую оговорку — „лишь в некоторых центральных фундаментальных библиотеках, обслуживающих целый ряд частей (имеются в виду красноармейские библиотеки), возможно введение поручительств для читателей из далеко расположенных частей“.

„книг не числится“. Ясно, что и эта мера не может быть применяема в массовых библиотеках.

Библиотека сама должна ставить в известность своих читателей о тех основных правилах, исполнение которых она предполагает требовать. Вот почему в библиотеках и читальнях на видном месте всегда должны быть вывешены „правила“; важно также в обычном бланке формуляра читателя сохранять расписку подписчика в том, что библиотечные правила ему известны и что он обязуется их исполнять. „Правила“ библиотеки должны включать в себя пункты по следующим основным вопросам пользования: 1) об обязанности читателей оповещать о всякой перемене адреса и сдавать книги в случаях отлучек из района деятельности библиотеки, 2) о сроке, в течение которого книги могут находиться на руках у подписчика (обычно 10 дней), 3) об обязанности просматривать получаемые из библиотеки книги и заявлять об имеющихся в них дефектах, с предупреждением, что отсутствие таких заявок влечет за собой материальную ответственность, 4) об обязанности оплатить стоимость утраченных или испорченных книг по расценке библиотеки и 5) о тех „карах“; какие вообще собирается применять библиотека по отношению к своим неисправным читателям (об этом см. дальше).

В качестве образца „правил пользования“ могло бы служить постановление Ц. Б. К. № 6 от 21 января 1921 г. „о порядке выдачи книг из библиотеки“

(опубликовано в сб. Центр. Библ. Комиссии). Образцы правил обращения с книгой хорошо известны (см. напр. „Книгоноша“ № 30 от 22 дек. 23 г.).

Столь же существенное значение имеет регулярное и настойчивое проведение мер по возврату книг, задержанных сверх срока. Это, конечно, вполне возможно только там, где правильно налажена библиотечная техника, — в частности, где применяется двухкарточная система абонемента и где легко по ящику сроков следить за своевременным возвратом. Посылка повесток систематически откладывается на „завтра“. Читатель привыкает к отсутствию строгого порядка при соблюдении сроков, и перевоспитать его потом бывает нелегко. При правильной постановке дела повестки о возврате просроченных книг должны посылаться ежедневно и, по возможности, немедленно же по просрочке. Иногда здесь указывают на дороговизну посылки повесток. Однако, многие библиотеки научились справляться с этим, посылая за книгами добровольных сотрудников, „членов о-ва друзей библиотеки“ и т. д.

Некоторые библиотеки, кроме этого, перекладывают расходы по возврату просроченных книг на виновников просрочки.

Наиболее уязвимым местом в системе предохранительных мер является момент внутреннего улучшения технического распорядка работ по выдаче книг на дом и в читальном зале. Здесь, как, напр. в

области надзора в читальных залах, улучшения техники выдачи книг на дом, всегда особенно остро чувствуется и недостаток библиотечного персонала, и материальные затруднения и неудовлетворительность наших библиотечных познаний.

Индивидуальные условия деятельности отдельных типов библиотек не позволяют дать какие-либо общие и годные для всех рецепты. Каждая библиотека в отдельности должна посвятить достаточно энергии внимательному продумыванию всех необходимых здесь мер. Ставши на путь коллективной проработки мероприятий этого рода, некоторые отдельные московские библиотеки сделали весьма многое в области сокращения библиотечной преступности. Здесь мы укажем лишь на то, что является общим для всех библиотек. Библиотеки прежде всего должны стремиться создавать обстановку опрятности и четкости в работе как абонементов так и читального зала. Неряшливость в работе библиотекарей, во внешней обстановке, развращает, заражает малостойкие читательские элементы. Приходится нередко наблюдать, как в библиотеках возвращаемые книги откладывают на тут же стоящий столик или прилавок, где без всякого присмотра производятся усердные раскопки скучающими в очереди читателями: мы нисколько не разделяем недоуменных и сентиментальных размышлений работников таких библиотек на тему о „развращенных читателях“.

стащивших книги с этих своеобразных „открытых полок“. Затем следует упомянуть еще и о великом бедствии, от которого основательно страдают наши библиотеки, — мы имеем в виду неизбежность выдачи книг без переплетов за недостатком средств на переплетные работы.¹⁾ Назревший давно вопрос об организации библиотечными центрами или ассоциациями библиотек переплетного дела требует самого срочного разрешения. Ибо превратившаяся в ком растрепанной бумаги непереплетенная книга является лучшим агитационным средством в пользу ее порчи. Необходимо иметь в виду и надлежащую постановку приема сдаваемых читателями книг. Если требования проглядывать всю нумерацию перед лицом многочисленной и нервничающей очереди является утопичным, то „спускать с пальца“, как выражается А. А. Покровский, страницы возвращаемой книги бывает всегда легко и возможно. А вместе с тем эта, на первый взгляд незначительная мера действует, как показывает практика, весьма вразумительно на читателей и понуждает их внимательнее относиться к взятым книгам.

Наконец, здесь же следует напомнить о необходимости привлекать самих читателей к участию в деле улучшения организации работы в библиотеке вообще и в области охраны книг от вредителей, в

¹⁾ В Харьковской Гос. Библиотеке им. В. Г. Короленко книг без переплета читателям не выдают. Прим. ред.

частности. Лучшей иллюстрацией того, насколько в интересующей здесь области большое значение имеет инициатива читателей, при типичном для наших библиотек недостатке в штатах, может служить следующий пример. Московская Тургеневская Библиотека-Читальня неоднократно отмечала у себя вырывание и иную порчу книг. Библиотечный персонал обратился за помощью к постоянным посетителям читальни и с этой целью образовалась небольшая группа читателей, выразившая готовность: 1) иметь наблюдение за тем, чтобы книги читальни не подвергались порче со стороны читателей и 2) содействовать сохранению в читальне тишины и порядка. Одним из таких друзей читальни в марте этого года была обнаружена читательница, вырезавшая из книги Пизона „Человек и животный мир“ 4 страницы с таблицами. В результате этого библиотека имела возможность вывесить на видном месте следующий вразумительный плакат:

„Лишена права посещения читальни посетительница № 485, вырвавшая из книги Пизона „Человек и животный мир“ 4 страницы с таблицами (схемы кровообращения). Возмутительный поступок указанной читательницы обнаружен благодаря содействию одного из постоянных посетителей читальни, проявившего ту активность и наличность того общественного интереса, которых читальня ждет от всех своих читателей. Посети-

тельнице № 485 только 16 лет, поэтому на этот раз читальня приняла решение (соответственно просьбе читательницы, сообщившей в письменной форме о своем раскаянии, о готовности возместить материальный ущерб и т. д.) не оглашать ее имени. Но читальня предупреждает всех тех, кто собирается совершить аналогичный поступок, что в следующий раз, помимо исключения из состава читателей, будет оглашено имя совершившего, будут оповещены другие библиотеки, будет сообщено в учебное заведение и, в зависимости от обстоятельств, дело будет передано в суд.

Все те, кому дороги интересы нашей читальни, интересы культуры вообще, должны помочь нам в борьбе с безобразными поступками, подобными тому, который совершила исключенная из состава наших читателей посетительница № 485¹⁾

Рядом с отмеченным об'явлением повешен список лиц, постоянных посетителей читальни, выразивших свою готовность помогать персоналу в этой „борьбе с безобразными поступками“.

1) В Харьковской Государственной (б. Общественной) Библиотеке им. В. Г. Короленко большое впечатление на читателей произвела т. н. черная доска в абонементном зале. На эту доску в 1922 г. был занесен читатель, сам отметивший в своем абонементном листке о возврате второй взятой им книги и пытавшийся ее присвоить. Выставлена была фамилия и указан срок кары (лишение права быть подписчиком на 3 месяца) П р и м. р е д.

2. Второй группой мер предупредительного характера являются все мероприятия агитационно - просветительные, воспитывающие — в виде: 1) пропаганды словом (в широком смысле) и 2) пропаганды наглядной.

Пропаганда словом может проводиться устно, печатно или же в некотором сочетании с элементами театрализации. Устное воздействие наиболее доступно каждой библиотеке. Посвящать некоторое время вопросу о недопустимости „книговредительства“ можно и должно на собраниях подписчиков библиотеки, в отдельных беседах с ними, в заседаниях политико - просветительных кружков и т. д., а также на митингах и собраниях, собираемых по другим поводам. Здесь вспоминается случай, рассказанный нам одним старым библиотекарем. Присутствовал этот библиотекарь на митинге, посвященном „текущему моменту“. Вначале библиотекарь внимательно и с удовлетворением слушал умную, хорошо построенную и патетически произносимую речь. Но вдруг он заметил, что докладчик, в момент высшего напряжения своего ораторского пафоса, с большой выразительностью ударяет по трибуне... книгой, находившейся у него в руке. Библиотекарь был из числа тех, которые не могут переносить неуважения к книге, вообще. Доклад с этого момента потерял для него весь свой интерес, и каждый новый удар книгой по трибуне вызывал и новый под'ем протеста. По окончании митинга, неудачливый его участник

подошел к виновнику своих тревожений и с негодованием стал отчитывать за прегрешения против злополучной книги, превратившейся, кстати сказать, в всклокоченный ком бумаги. Тут были и упреки во вредном влиянии на аудиторию, где много читателей библиотек, настоящих и будущих, и недоумение по поводу того, что „он, докладчик, при его сознательности, так несознательно относится к книге“. Одни из присутствовавших при „наскоке“ библиотекаря посмеивались над „чудаком“, другие стали его поддерживать. Как ни курьезна вся эта история, в ней есть много такого, чего нам часто не хватает: есть трепетная любовь к книге и похвальное стремление выступать на ее защиту при всех условиях, во всякой обстановке.

Печатное слово менее доступно библиотеке, но и более действенно. Одна коротенькая статья в „Правде“ (№ 292 — 23 г.) В. Карпинского „Не губи книгу“, как нам кажется, сделала в этой области много больше, чем десятки примелькавшихся на стенах библиотек плакатов и лозунгов. Заинтересовать нашу общую прессу вопросами борьбы с библиотечной преступностью, добиться хотя бы редких статей на эту тему, хотя бы где-нибудь на „задворках“ газет, — задача большой важности. Ибо одно дело, когда „придирается“ библиотекарь к своим нерадивым читателям, и другое, когда на страницах прессы напечатаны осуждающие слова. К пропаганде же

печатным словом относятся всякого рода вывешиваемые в библиотеках лозунги, циркуляры центральных учреждений (напр., НКЮ РСФСР от 3/1 — 23 г.¹⁾), соответственные статьи уголовного кодекса (напр., 185 ст.), приговоры судов по делам о неисправных подписчиках и т. д. и т. д.

Введение театрализации в систему пропаганды словом необходимо признать весьма целесообразным. Передаваемые в действии образы больше могут заинтересовать и отпечатлеться в психике. Такие

¹⁾ Отмеченный циркуляр Народного Комиссариата Юстиции Р.С.Ф.С.Р. от 3-го января 1923 г. за № 2 (опубл. в „Бюллет. Нар. Ком. Просв.“ от 17 февраля 1923 г. № 12) гласит следующее: „Всем совнарсудам, ревтрибуналам и прокурорам. Циркулярно. По имеющимся в Н.К.Ю. сведениям на практике замечается полная несогласованность в отношении привлечения к ответственности лиц, которые, получая для чтения книги из государственных книгохранилищ (библиотек), не возвращают таковых обратно. Некоторые из судов даже считают возможным привлечение таких лиц только к гражданской ответственности в виде возмещения имущественного вреда и не привлекают таких лиц к ответственности уголовной. Между тем, указанное деяние не может не рассматриваться как присвоение или растрата государственного достояния, предусмотр. ст. 185 У. К. Необходимо при этом иметь в виду, что означенное преступление является достаточно серьезным, так как оно причиняет ущерб государству и наносит вред делу просвещения. Означенное разъяснение должно быть принято всеми судебными органами к неуклонному руководству.

Наркомюст — (Курский).

Член Коллегии Н.К.Ю. — (Брандебургский)

удачно составленные сценарии, как агит - пьеса Мирошниченко „Библиотека ночью“ (см. „Сборн. ст. по биб. работе“, № 2), могут оказать большую услугу установлению правильной оценки значения книги и воспитать надлежащий протест против ее разрушителей.

К этой же категории следует отнести и показательные суды над библиотечными преступниками, устраиваемые отдельными библиотеками. Эта форма политико - просветительного воздействия является в нашем деле самой удобной и желательной: ни в одной отрасли политико - просветительной работы нет такой благодарной почвы для показательного суда, как именно в области книжной преступности. По вопросу об устройстве показательных судов имеется довольно обширная литература, и мы поэтому не станем на них останавливаться. Отметим лишь, что для их успешного проведения не следует задаваться слишком широкими планами. Три или даже один судья, два - три обвиняемых (напр. зачитавший книгу, испортивший ее, вор книги и т. д.), один - два свидетеля, секретарь, прокурор и защитник, — вот и все возможные, вербуемые обычно из читателей персонажи суда. Сопровождающая суд выставка из 10 — 15 книг, отражающих наиболее типичные и возмутительные формы книговредительства и знаменующих собою „вещественные доказательства“, да относящиеся сюда плакаты — вот и вся внешняя обстановка показательного суда. Следует

здесь отметить неправильность взгляда, будто показательный суд должен устраиваться исключительно судебными органами и над действительными преступниками (а не над вымышленными, как предлагается выше). Сторонники такой точки зрения исходят из того, что показательный суд не над действительными библиотечными преступниками не в состоянии дать той обстановки серьезности, которая единственно и может оказать надлежащее воздействие. Эти утверждения нельзя признать правильными. Конечно, суд над действительными преступниками должен быть включен в число мер, которыми библиотеки защищаются от библиотечной преступности. (об этом ниже). Но цели и значение судов над реальными библиотечными преступниками несколько иные. В показательном суде над вымышленными „преступниками“ можно всегда более интересно скомпоновать отдельные их типы, ввести в действие суда те моменты, которые кажутся наиболее важными и полезными с точки зрения политико-просветительной и т. д. В подлинном суде, где поле действия процесса ограничено действительными фактами и конкретными лицами, все это недостижимо.

Следует признать также весьма удачным опыт борьбы с „вредительством“, проделанный недавно в Екатеринославе (см. „Известия“ № 274—30/XI—23 и № 41—19/II—24 г.) и повторенный затем в Ленинграде. В целях создания отрицательного отношения

масс к порче книг, были собраны испорченные книги из библиотек, уложены в гробы, пронесены так по городу и похоронены затем на центральной площади. Во время похорон был устроен многолюдный митинг, на котором пропагандировалась книга и необходимость борьбы с книговредительством, приведшим похороненные книги в могилу. Этого рода замысел нельзя не признать интересным и важным не только по оригинальности его выполнения, но и по той широте его размаха, которая позволила вовлечь в орбиту пропагандистского воздействия весьма значительную массу населения. Вообще, нам, библиотечным работникам, слишком замкнувшим свою работу в пределах стен своих библиотек, следовало бы хотя бы редко, но основательно встряхиваться самим, да и других вовлекать в это же. Почему бы ассоциировавшимся для этой цели библиотекам не устраивать карнавалы и шествия, общественные праздники, посвященные книге и т. д., как это любят делать американские библиотекари? Над этим нам следовало бы хорошенько подумать.

Пропаганда наглядная имеет своим назначением воздействовать на психику читателей при посредстве изобразительных, наглядных приемов выражения той или иной идеи. Сюда относятся выставки, плакаты, могилы книг, поврежденных читателями, и т. д. Из всех этих мероприятий нам кажутся наиболее значительными выставки испорченных книг, которые можно

устраивать и отдельно и в соединении с каким-либо более значительными предприятиями, например, показательными судами, днями книги и т. д.

Устраивая выставки испорченных читателями книг, не следует выставлять сразу много книг: 10—30 книг вполне достаточно. Выставляемые книги желательно разбить на несколько групп, взявши за классификационный признак или тип „преступления“ (напр., небрежность, вырезки из научных побуждений и т. д.) или способ совершения „преступления“ (напр., подчеркивание, вырезки, загрязнение и т. д.).

Плакаты, сопровождающие такие выставки, должны быть лишены той сентиментальной нравоучительности, которая вызывает больше смех, чем протест. Последнего мы больше достигнем краткими лозунгами, как например: „Всякий, портящий книгу, тормазит дело восстановления нашего хозяйства“. „Разрушающий библиотечные книги мешает улучшению жизни трудящихся“ и т. д.¹⁾

Меры карательного характера. Чтобы закончить раздел о мерах борьбы с библиотечной преступностью, следует остановиться на мероприятиях карательного характера. Прежде всего надлежит установить, что меры этого рода—крайне исключительные

¹⁾ В Харькове издан и такой плакат: „Укравший булку — бедняга: пожалей его; забравший книгу — вор: карай его“.

Прим. ред.

и подлежат применению лишь по испытании всех других средств воздействия. У библиотек основными способами борьбы должны быть сначала организационно-технические, а затем агитационно-просветительные. И уже на самом конце — меры карательные. Этот путь более длинный и трудный, но и единственно правильный в условиях библиотечной действительности. Итти по линии наименьшего сопротивления, вообще, редко бывает целесообразно, а в нашем деле — в особенности. Меры карательного характера, применяемые библиотеками, обычно состоят: 1) в наложении штрафов, 2) в лишении права пользоваться библиотекой, 3) в публикации имен провинившихся в чем-либо читателей и, наконец, 4) в привлечении к суду.

Что касается штрафов и лишения права пользоваться библиотекой, то эти меры следует признать вообще мало пригодными в работе с начинающим „массовым“ читателем. Штраф — в особенности штраф, прогрессивно увеличиваемый в зависимости от количества просроченного времени, — нисколько не стимулирует возврата книг, часто способствует, как показывает практика, окончательному „зачитыванию“ просроченной книги и побуждает читателей порывать их связь с библиотекой. Штраф применим только в работе библиотек с более или менее квалифицированным читателем. Относительно же лишения права пользования библиотекой необходимо сказать, что

наказание это в своем существе таит некоторую логическую несообразность. Лишая своих читателей права пользоваться книгами, библиотека вместе с тем лишает и себя путей, с помощью коих она должна исправлять, перевоспитывать преступную волю „вредителей“. Угрожать этой мерой еще можно, но применять ее допустимо (если вообще только допустимо) в самых исключительных случаях и по отношению к квалифицированному читателю. Во всяком случае, совершенно недопустимо, по нашему мнению, лишение права пользования „навсегда“, (напомним хотя бы то обстоятельство, что наш уголовный кодекс, в случаях срочного осуждения, не знает срока наказания свыше 10 лет).

Более полезно практически опубликование списков неисправных читателей (черные доски): и самим „виновникам“ неприятно долго „висеть“ в списке и других будет смущать возможность фигурирования там. Необходимо только создавать соответствующую атмосферу серьезности вокруг этих списков; если каждый новый список встречается смешком, дело обстоит плохо.

Наконец, остается последний вид карательного воздействия — привлечение к уголовной, судебной ответственности. В прежнее время, до революции, библиотеки, вообще чрезвычайно редко обращавшиеся в суд, оперировали нормами гражданского права. Теперь Наркомюст (в приведенном выше циркуляре

от 3/1—1923 г.) предлагает судам привлекать лиц, не возвращающих книг обратно в библиотеки, в порядке уголовном за присвоение или растрату (ст. 185 У. К.) и подчеркивает, что „означенное преступление является достаточно серьезным, так как оно причиняет материальный ущерб государству и наносит вред делу просвещения“. Изменение в подходе к судебной защите, не являясь, конечно, случайным, объясняется установлением совершенно иного взгляда на задачи просвещения и на права и обязанности граждан, вытекающие из этих задач. Раньше не возвращавший в библиотеку книгу читатель нарушал частный договор его с библиотекой, делался ее неисправным должником — и только; теперь, не выполняя свои публичные обязанности перед библиотекой, читатель становится врагом общества, преступником. Привлечение к уголовной ответственности в современной практике библиотеки понимается по разному, — одни библиотеки считают это средство самым действительным, и предпочитают всем другим; другие библиотеки эту меру вовсе отвергают, считая ее вредной в библиотечном деле, отпугивающей читателей от библиотеки. И то и другое мнение заключают в себе долю истины. Это средство наиболее радикальное и действительное, но оно в то же время и наиболее опасное из всех прочих. Но все опасные и вредные последствия этой меры могут быть предотвращены осторожным ее применением. Привлечение

к судебной ответственности возможно только в конце цепи намеченных ранее мероприятий. К этой мере следует прибегать лишь тогда, когда к ее надлежащему восприятию читательское общественное мнение достаточно подготовлено, лишь после того, как испробованы другие более мирные способы агитационно - просветительного воздействия и, наконец, при надлежащей организации техники библиотечной работы (посылка напоминаний, быть может, личный обход и т. д.). Следует, при этом, помнить и те технические трудности, какие возникают при возбуждении дела в судах. Как известно, при привлечении к суду следует проделать следующий ряд подготовительных шагов: проверить, нет ли ошибки в записях и формуляре привлекаемого читателя, определить цену невозвращенных или испорченных книг и установить сумму иска на тот случай, если таковые окажутся утраченными; определить действительный адрес читателя (на случай перемены прежнего); составить заявление в суд, определить подсудность (судебный участок по месту жительства привлекаемого); сюда же необходимо прибавить отлучки библиотекарей на заседания суда (которые нередко и не раз откладываются): Кто на практике обращался к судебной защите, тот хорошо знает, что дело это сложное и хлопотное¹⁾. Но уж если

¹⁾ см., напр. „Борьба библиотек с неаккуратными читателями“ - „Красный Библиотекарь“ № 2 — 3, 1923 г.

кого-либо из читателей придется потянуть в суд, вокруг этого процесса необходимо создать такой шум, чтобы о нем все слышали и чтобы о результатах его долгое время все помнили,—лучше редко да метко. Вообще, следует иметь в виду, что для интересов библиотек важно не столько, чтобы суд покарал неисправного читателя, сколь существенно, чтобы он осудил его и чтобы об этом осуждении узнало наибольшее число людей. Мысль эту позволим себе иллюстрировать следующим примером из реальной действительности. В библиотеке 1-го Московского Государственного Университета за годы войны и революции накопилось значительное количество невозвращенных книг (всего около 5000 экз). В наиболее тяжкие 1919 и 1920 годы думать о планомерной борьбе с „зачитывателями“ не приходилось: было голодно, и холод в библиотеке доходил до 3 градусов мороза. Только с конца 1921 года библиотека могла приступить к регулярной работе по расчистке этих „авгиевых конюшен“. К 1923 году вследствие двухкратных рассылок повесток с требованием возвратить книги (вторичные повестки угрожали судом), было сдано около 2.500 книг. Остальные книги упорно не возвращались. После проверки адресов в адресном столе оказалось, что около 300 человек из числа несдавших книги попрежнему проживают в Москве. Встал вопрос — что делать? Снова посылать повестки? Привлекать всех к суду?

Библиотекой было решено привлечь лишь несколько лиц, наиболее „злостных“, всего 8 человек. Суд состоялся 4/IV — 24 г., причем последним не только были удовлетворены гражданские иски, но и сделано постановление направить все указанные дела прокурору, вследствие наличия признаков деяния, предусмотренного 185 ст. У. К. (присвоение или растрата). 6 - го апреля в газетах „Правда“ и „Известия“ появились по этому поводу тождественные заметки под заглавием: „Защита библиотек“. За время только до 15 апреля было сдано перетрусившими „зачитывателями“ около 200 книг и около 180 рублей было внесено денег за утраченные и испорченные книги.

На этом мы и закончим обзор видов и типов „библиотечной преступности“ и основных форм борьбы с ней. Попытаемся затем сделать кое-какие резюмирующие выводы.

1) Следует установить то очевидное положение, что библиотечные преступники представляют собой далеко не однородные явления. От красноармейца, раскуривающего „цыгарки“, скрученные из страниц библиотечной книги, до человека, делающего вырезки статей или гравюр в „научных целях“, от „зачитывателя“ по малосознательности или даже небрежности — до коллекционера, зачитывающего книги в целях пополнения своего собрания, — дистанция огромного размера.

2) Задача библиотеки — воспитывать, учить приемам накопления знаний, помогать утверждению правильного миропонимания. В этом особенно нуждаются читатели малосознательные и малознающие. Ведя борьбу с малосознательностью, проявляемой в порче или зачитывании книг, библиотекарь не может забывать о том, что одним из лучших средств нанести удар этой самой малосознательности является книга. Неправильно будет, поэтому, выступая на борьбу с вредительством малоопытного читателя, начинать с таких мер, как лишение права пользования библиотекой, привлечение к суду и т. д. Иное положение, когда библиотеке приходится иметь дело с квалифицированным читателем; здесь решительно надо бить по скрюченным пальцам хищников, чтоб было больно и в другой раз не повадно. Словом: нужна индивидуализация мер. Одни и те же меры могут оказаться вполне применимы в одной библиотеке, по отношению к „преступникам“ одного типа, и абсолютно вредными при применении их другой библиотекой, по отношению к „вредителям“ иного типа.

3) Затем — снова повторяем — не следует идти по линии наименьшего сопротивления. Идя этим путем, можно достигнуть временных, внешне благоприятных результатов, но и натворить не мало бед. Каждая библиотека борьбу свою с библиотечной преступностью должна начинать с производства улучшений своих технических приемов работы. Затем

следует агитационно - пропагандистская борьба и уже на самом конце должны стоять „кары“.

4) Наконец, следует признать, что одними силами библиотечных работников справиться с преступностью не удастся. Библиотечная преступность не есть только библиотечное зло, она, прежде всего, зло социальное. Бороться с ним библиотекарю необходимо, но в той же мере необходимо участие в этой борьбе и всего общества в целом. Кампании против библиотечной преступности должны вестись не только на страницах библиотечных журналов и книг, но и в общей прессе. Против „вредителей“ на митингах, собраниях и т. д. должны выступать не только библиотекари, но и все те, для которых библиотека служит вещественным фактором культурного оздоровления страны, ее тем самым хозяйственного возрождения и укрепления. Переходным мостом здесь могли бы быть, прежде всего, читатели отдельных библиотек. Перед образующимися во многих библиотеках „обществами друзей библиотеки“ „кружками содействия библиотеке“ и т. д., в числе прочих, должна ставиться и задача активной борьбы с этим библиотечным пороком.

Проф. А. БЕЛЕЦКИЙ

НАДПИСЫВАЮЩИЕ НА ПОЛЯХ КНИГИ

НАДПИСЫВАЮЩИЕ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Много слов, преисполненных горечи и злости — и вслух, и про себя — сказано было в годы революции и гражданской войны по поводу книг и библиотек, погибших в буре событий. Много вздохов, внушенных глубокой гражданской скорбью, по этому поводу сотрясало воздух, и без того уже потрясенный иными вздохами. Разумеется, всякий нормальный человек не может не горевать об утрате культурных ценностей, хотя бы даже эта утрата имела место в дни, когда гибло множество человеческих жизней. Только вздохи о гибнущей культуре и громкие слова о грядущем хаме не имеют для себя никаких оснований. Странно было — бы возмущаться крестьянами, сжигавшими барскую библиотеку, красноармейцами, свертывавшими цыгарки из страниц ценных изданий, топившими холодные комнаты книжными переплетами. У всей этой массы было одно, но безусловное оправдание. На него указал еще в 1872 году знаменитый французский поэт, описывавший ужасы „Страшного года“ — в стихотворении „Чья вина?“¹⁾ Простолюдин поджег

¹⁾ Виктор Гюго.

библиотеку. Кто-то, ученый или поэт, обращается к нему с негодующей речью. Но ведь это неслыханное преступление! Преступление, совершенное тобою против тебя-же самого! Ты погасил свой собственный светоч, уничтожил свое достояние, свое сокровище, свое наследие! Ты погубил книгу, которая разрушает эшафот, войну, голод; она говорит — и нет более ни рабов, ни париев; она несет знание, а в знании сила и свобода; книга — это право, истина, разум, прогресс и т. д. и т. д.— И ты все это уничтожил, ты! — Ответ обличаемого краток, всего из трех слов, но категорически убедителен.— *Je ne sais pas lire.* Я не умею читать.— Да, после такого ответа ясно, кто виноват в том, что погибла книга.

Нет, не крестьянин, не красноармеец, не малограмотный рабочий являются преступниками по отношению к книге, истинными врагами ее. В большинстве случаев враг книги — вполне грамотный, может быть, даже окончивший учебное заведение, претендующий с большим или меньшим правом на звание интеллигента человек. По его адресу и направлены все наши дальнейшие упреки и сетования. Массовый читатель не умеет обращаться с книгой? Быть может; но он охотно выслушает ваши советы о том, как следует обращаться с нею, он заинтересуется вывешенным на стене плакатом, наглядно показывающим ему, что вредит книге; он не привык обращаться с книгой за панибрата; напротив, он

чувствует к ней некое смутное благоговение, и где-то на дне его сознания у него шевелятся мысли, много сот лет назад формулированные не так уже далеко стоявшим от наивного читателя наших дней старым русским писателем — о книгах — реках, напоющих вселенную, о книгах, источниках мудрости, источниках, неизмеримо глубоких.

„Интеллигентный“ читатель — иное дело. Он хорошо знает, что нельзя сморкаться в салфетку, знает, пожалуй, и то, что не следует есть с ножа: следовательно, благовоспитан, и следовательно, в ваших советах не нуждается. Ваши плакаты не про него писаны, ваши лозунги на стенах не входят в его сознание. Он без труда находит в книге заглавный лист и оглавление — и убежден, что держит в руках нечто, принадлежащее ему по праву первородства. Он только пожмет плечами, если вы скажете ему, например, что он не умеет перелистывать книгу. А, между тем, он, действительно, не умеет этого делать. Умеющие перелистывать книгу попадались мне среди русских интеллигентных читателей чрезвычайно редко. Редко кто знает, что книгу нужно перелистывать либо сверху страницы, либо с середины листов, а не снизу. Широко распространена привычка облизывать палец и, прикладывая его к нижним углам страниц, листать книгу, оставляя попутно свой дактилоскопический отпечаток. Впрочем, облизывать пальцы негигиенично. Существуют и иные способы. Я не могу забыть об

одном молодом ученом, в читальном зале своей университетской библиотеки пересматривавшем толстые томы in folio для своей работы. Он справлялся с своей задачей, поплеывая прямо на углы листов и затем лишь накладывая на них персты. В течение нескольких недель почтенный специалист оплевал так томов двенадцать.

Не умеют разворачивать книгу: ее перегибают пополам, разламывают, отчего, особенно переплетенная, книга сразу обращается в разбухший и кривой раз навсегда том, после однократного чтения стареющий иногда непоправимо. Люди занятые и деловые: они читают за утренним чаем, завтраком или обедом — и на книге раз навсегда закрепляются оттиски их чайных стаканов, остатки потребляемых ими жиров. Читают в постели, в гамаке: почитав, засыпают на развернутой книге, и в зависимости от того, насколько тревожен был сон, книга приобретает самую фантастическую внешность. Среди них встречаются книголюбы, горько жалующиеся на дурное обращение с их собственными книгами со стороны приятелей и знакомых. Но у них самих книга, взятая из общественной библиотеки, встречает прием не лучше. Я видел книги, служившие крышкой для крынок молока, подставками для керосиновых ламп, подмостками для сиденья у пианино; книги, использованные, как пресс, книги, служившие ширмами, книги, валявшиеся кучами на полу в ожидании момента,

когда, наконец, найдется время вернуть их в общественную библиотеку; книги, подставки для мебели... Да разве перечислишь те разнообразные и подчас неожиданные хозяйственные функции, какие выполняет книга — и чаще всего книга общественная, „казенная“ — в домашнем быту культурного обывателя? Если бы книга — книга русской общественной библиотеки — могла заговорить! В сущности, очень жаль, что вещи, неодушевленные вещи, в которые вложено ведь столько человеческого ума и чувства, не могут высказаться...

В чем угодно — но в „фетишизме“ по отношению к книге интеллигентного обывателя не обвинишь. Буржуазный во многих других отношениях, — от этого „буржуазного предрасудка“ он свободен. Доказательства его либерального отношения к общественному достоянию неисчислимы. Библиотечные работники знают, что под этим либерализмом таится: жизненное неряшество, слабо развитое социальное чувство, индивидуализм дикаря — все остатки жизненного уклада дореволюционной эпохи. Но среди этих культурных переживаний первобытной некультурности мы хотели бы в данный момент остановиться лишь на одном: на читателях, делающих надписи, отметки, заметки на полях, на белых листах и внутренней стороне переплетов библиотечных книг, на характере этих надписей и заметок, на оценке их с точки зрения элементарной социальной этики и на способах

борьбы с этой разновидностью, как мы полагаем, „библиотечных преступников“.

Последнее утверждение, оказывается, нуждается еще в доказательствах. Не так давно в „Книгоноше“ (22 марта 1924, № 12-43) т. Смирнова в статье „Угроза библиотечным книгам“ рассказала о любопытной беседе в педагогическом кабинете одного ВУЗ'а на тему, как читать книги — беседе, на которой автору заметки пришлось лично присутствовать. Докладчики в числе технических приемов работы с научной книгой горячо рекомендовали делать на самой книге замечания, отметки, значки, подчеркивания. Нужно отбросить, говорили они, старый буржуазный предубеждение, в силу которого книга считалась чем-то неприкосновенным. К каждой книге нужно подходить активно критически, нужно иметь свое мнение по обсуждаемым в ней вопросам и спорить с автором — путем заметок на полях, которые помогут читателю не только сопоставить свои мысли с мыслью автора, но и войти в общение с другими читателями, которые также будут записывать свои суждения и знакомиться с предыдущими. Нужно бороться за право обращаться таким образом с книгами всех библиотек, а пока что обрабатывать таким образом книги собственные и книги педагогического кабинета, где происходил доклад и где на стене висел громадный плакат с надписью: „Делать отметки на книгах педагогического кабинета обязательно“.

Т. Смирнова справедливо усматривает в подобной проповеди угрозу библиотечным книгам и приводит несколько возражений на смелые утверждения докладчиков. Она указывает, что исчерченные строчки и поля мешают зрительному восприятию текста, утомляют зрение, что посторонние замечания на полях прерывают последовательность восприятия авторских мыслей, отвлекают читателя в сторону, мешают пониманию основной идеи книги. Для библиотек подобная проработка обозначает массовую порчу книг. Что было - бы, если бы посетители картинных галерей стали выражать свои впечатления, „спорить с авторами“, непосредственно на картинах? „Совершенно непонятно, почему же спорить нужно карандашом, а не мозгами, и непременно на книге, а не на тетради“. Прибавим к этому от себя: наши споры часто отличаются запальчивостью, мы не очень терпимы к чужим мнениям, и что если в книге окажутся места, для нас совершенно неприемлемые? Не правильнее - ли всего будет перечеркнуть эти места, замазать их чернилами, а то и вовсе вырвать эти недопустимые страницы? Но единства мнений у нас нет по многим вопросам: не останутся ли от книги в конце концов корешки в результате споров с автором читателей, принадлежащих к разным общественным группировкам, вкусам и темпераментам? „Находятся еще люди, не понимающие вреда от порчи книг“, заключает т. Смирнова. Они находятся

не в какой-либо ликвидирующей свою безграмотность среде, а именно в ВУЗ'е, где, казалось бы, докладчики должны были ведать, что они сами говорят, и что в результате этих слов будет твориться. Вопрос, очевидно, не так прост, как кажется с первого взгляда: недопустимость надписыванья на книгах приходится доказывать. Этому доказательству может оказать существенную помощь изучение психики надписывающих и рассмотрение видов их деятельности. Пользуясь матерьялами Харьковской Государственной Библиотеки имени В. Г. Короленко, наряду с другими данными, мы попробуем здесь это сделать, — разумеется, в самых общих чертах.

„Мы не должны молиться на книгу“, — смело заявлял докладчик на беседе в педагогическом кабинете. Конечно! Мы не должны „молиться“ и на лежащий перед нами лист бумаги, и на свежее-выкрашенную стену или забор, и на гладкую поверхность камня где-нибудь в Алушке у морского берега. Из этого не следует, что такое „немоление“ должно немедленно выражаться в заполнении свободного пространства литерами. Есть люди, которые не могут равнодушно держать в руках карандаша перед поверхностью, которая может быть исписана или разрисована. Они покроют ее немедленно своим автографом — собственной фамилией, повторенной бесчисленное количество раз с более или менее замысловатым росчерком, женскими именами, что-либо

им говорящими, датами, значительными для них, и т. п. Библиотечная книга сплошь да рядом является жертвой такой графомании. Иногда она принимает явно патологические формы. Читатель требует в читальный зал книгу, не выдающуюся на дом, одно из старых изданий 50 — 60 - х годов: получив книгу размахнется по ее страницам каким-либо непечатным словом и возвращает обратно. Такого „читателя“, конечно, не убедишь в том, что этого делать нельзя: он и сам, может быть, хорошо знает, что нельзя, потому и делает. С такими случаями бороться трудно, они выведутся сами по мере под'ема общей культурности и оздоровления быта. Но не менее трудно бороться со случаями невинной графомании. „Кто писал не знаю, а я, дурак, читаю“ — сколько раз этот нехитрый каламбур попадался нам в концах или в началах библиотечных книг! „Эту книгу читала Маня толстоногая, эту книгу читал Володя белобрысый“ и т. д. и т. д. (на внутренней стороне переплета „Записок из мертвого дома“). Сюда же относятся подчеркивания эротически - возбуждающих мест (всевозможные „гм!“ „ого!“ „здорово!“ — на полях книги), а также подчеркивания нарочито выбранных, без патологической настроенности фраз и слов. Это продукты безделья, праздномыслия, ленивой мечтательности. В экземпляре старой повести Евгении Тур „Ошибка“ некая читательница добросовестно поподчеркивала все слова, однокоренные

со словом „любовь“— и в заключение расписалась: „Я люблю любовь, потому что меня зовут Любовь и потому что я люблю. Любовь Магазаник“.

Подчеркивающие и надписывающие переговариваются, „общаются“ друг с другом—но, в большинстве случаев, в какую-то гущу обывательской пошлости заводит вас это общение. Еще раз раскрывается перед вами „Жалобная Книга“ Чехова, только гораздо менее смешная, хоть не менее показательная. Вот полуизодранный экземпляр избранных стихов Бальмонта. Страницы 69—70 вырваны и в таком виде книга попадает в руки читателю, расписывающемуся по страницам 68—71: „какая с — чь вырвала страницу чтоб ты сдох!!!“ А внизу другой почерк: „какой идиот делает подобные надписи?!“ И третий: „Какой-нибудь вроде вас, друг мой“. И еще один с неизменным: „Кто писал не знаю“ и т. д.—которое не нравится пятому: „избито“. Наконец, на оставшемся свободном месте шестой резюмирует: „Все мы свиньи“. Трудно не согласиться с этой самооценкой, но книге то от нее не легче! Иногда подчеркнутые слова и фразы, очевидно, служили целям обмена между двумя сошедшимися вместе читателями, книга играла роль любовной записочки, помогала завязать знакомство: „я работаю в 33-ей бригаде“—один почерк; „а я в N госпитале“—другой; первый — „как я вас найду“ и т. д. Все это могло бы писаться на клочках бумаги, на столе, на скамейке; к

сожалению, подвернулась книга, и волей - неволей вы вынуждены „общаться“ со случайными посетителями читального зала, которых, вероятно, дождь или непогода загнали сюда с улицы.

К этой же категории относятся и случаи примитивной, бездоказательной оценки и такого же спора с автором. „Глупая книга“, „неинтересная“, „интересная“—или просто так, от нечего делать: эта книга очень интересна, кто читал, тому известно, а другим неинтересно“ (на титульном листе „Идиота“). Или на 15-ом томе сочинений Шеллера-Михайлова (изд. „Нивы“— „Грачовы из Грачевки“, „Школа жизни“ и др.): „не читать, не читать, чтоб душою не страдать“, „если вы хотите, чтобы не страдать, то как возможно постарайтесь эту книгу не читать“ и даже в полустихах: „о друг, ты пишешь очень грустно, за душу за сердце берешь, но, тем расстроив человека, его ты муки не поймешь. Твои рассказы лишь о жизни и повесть муки лишь одни, но скоро-ль, скоро-ль человеку настанут светлые те дни“; и наконец — выводы (другим почерком): „очень и очень интересная книга“, „Шиллер (sic) очень хорошо пишет“. Читатели любят вообще пускаться в стихи, но мы не станем здесь приводить образцов их творчества, иногда вовсе не связанного с книгой. А вот еще один образчик оценки на внутренней стороне переплета „Братьев Карамазовых“: „не в пример прочим, сейчас же, прочитав эту, не могу составить

определенного мнения“. Не можешь, так и молчи! Почему я, следующий за тобою читатель, обязан знать об этом? Но ты, впрочем, обо мне не думаешь: у тебя просто зуд в руке и карандаше. Можно было бы увеличить число образчиков этой читательской графомании, но едва ли это необходимо. В нашей литературе все они превосходно обобщены в знаменитом облике Петра Зудотешина, на последней странице тургеневского „Дневника лишнего человека“, оставившего свой след — профиль головы с большим хохлом и усами, а под головой слова: „сею рукопись читал и содержание онной не одобрил Петр Зудотешин милостивый государь м м м Петр Зудотешин милостивый государь мой“.

Конечно, такого „общения“ читателей друг с другом не станут защищать и гордые своим „парадоксом“ новаторы из педагогического кабинета. Не его они имеют в виду: они говорят ведь о „приобщении к миру научных исканий“, о „проработке“ книги путем отметок — а уж тут что за искания, что за проработка! Они согласятся, что подобные *praffiti* ¹⁾ на книгах недопустимы хотя бы потому, что занимают место, необходимое для других серьезных суждений и дискуссий с автором на полях книги.

¹⁾ Итальянское слово, которым обозначаются обычно рисунки и надписи, обнаруживаемые на стенах и поверхности древних зданий и памятников.

На наш взгляд, однако, приведенные примеры принадлежат к самой невинной категории порчи книг путем надписыванья, гораздо более невинной, чем рекомендуемая новаторами „проработка“. Они исчезнут с течением времени; это болезнь, проходящая с возрастом общества: иногда тут достаточно изловить читателя на месте преступления, сделать ему, как ребенку, выговор — и, пообещав „не делать этого больше“, он в большинстве случаев и в самом деле не станет этого делать. „Серьезного“ читателя так просто не отучишь.

Этот читатель берет книгу не оттого, что ему нечего делать, а для того, чтобы над нею работать: читает и думает и свои думы фиксирует тут же, на поучение прочим. Ему ничего не стоит взять, напр., брошюру д-ра Диттеса „Этика Спинозы, Лейбница и Канта“ (1902) — и „с ученым видом знатока“ на последней странице вынести приговор: „это не критика, а водотолчение; не перевод, а недоразумение (NB. перевод сделан С. Грузенбергом). Мы взяли бы на себя смелость посоветовать автору не пускаться в критику. Если же он доктор философии, то мы можем лишь жалеть об этом; если он доктор медицины, то пусть занимается лечением, но никак не философией“. Сюда же относятся учащиеся, пользующиеся книгами для своей учебной работы. Изучают, напр., в классе „Горе от Ума“: рекомендовано прочитать „Миллион торзаний“ Гончарова — и вот страницы

соответствующего тома гончаровских сочинений исчерканы, снабжены нотабенами, заметками, вроде: „Милльон терзаний написан Гончаровым в ответ на мысли и критики других критиков, как Белинский, Пушкин. Пушкин, по словам Гончарова, критик Чацкого неправильный. Кто такой Чацкий. По словам Пушкина человек умный, но делающий глупости. Из-за своего горя (?) он осуждает все общество и т. д. и т. п. Критику писал Гончаров по настроению (?) Горе от Ума рисует типы московские, историю Москвы от Екатерины до Николая I“. Зачем все это написано на книге? Написанное и неточно, и неверно и свидетельствует лишь о том, что читатель дурно проработал свою тему, плохо знает предмет. Какой-нибудь преемник этого читателя получает в руки не только книгу, которую трудно читать из-за пестроты ее страниц, но и записку, содержащую в себе ложные сведения. Для всех подобных читателей в мире существует только их собственная персона, заслонившая для них все иное: это и есть тот дикий индивидуализм, о котором мы выше упомянули. И этому индивидуализму, характерному для читателей высшей культурной категории, чем читатели - графоманы и озорники, нет никакого оправдания. Его нет и в тех случаях, когда суждения, им высказываемые, по существу совершенно справедливы. Пусть они совпадают с общим мнением, кто дал им право быть глашатаем этого общего мнения?

Здесь уже не неуважение к книге: это неуважение к чужой личности, это отсутствие социального чувства, навязывание другим своей персоны. Среди старых книг Харьковской Библиотеки нам попалась книга печальной известности А. А. Дьякова - Незлобина (1845 — 1895), прославившегося в 80-х годах своей работой в области литературно-политического сыска — „Кружковщина“ (1880). Это ряд повестей и рассказов из жизни русских политических эмигрантов в Швейцарии, рассказов, написанных с неприкрытою целью дискредитировать в глазах читателя русское революционное движение и его деятелей. В настоящее время книга представляет, конечно, лишь исторический интерес, но историку русского революционного движения она может не раз пригодиться. Экземпляр „Кружковщины“, бывший у нас в руках, исписан вдоль и поперек возмущенными читателями. Начинается с предисловия: „Начав печатать свои рассказы в „Русском Вестнике“ я, конечно, не имел в виду мировых задач и вопросов. Цель моя была гораздо скромнее“... На полях: „Нужно было покаяться перед правительством“. Дьяков: „светлых личностей между русскими социалистами я не встречал“. Читатель: „потому что сам подлец“. Дьяков: „бездарность и невежество' самых крупных русских социалистов“... Читатель: „Напр. Лавров (Миртов) не так ли?..“ Дьяков: „великие идеалы, если они не обнаруживаются в жизни

поступками...“ Читатель: „Их довольно у нас“. И в заключение предисловия (реплика того же читателя): „Креатура сильных мира сего врет безнаказанно. Эгоист, которому очень выгоден порядок существующий, которому тепло и сытно живется под сенью законов, покровительствующих тем, у кого много, и гнетущих того, кто ничего не имеет, т. е. не умеет брать, цапать, грабить и жить в свое удовольствие, со спокойной совестью, с сознанием исполненного долга! Да, браво, честь и хвала вам, довольным подлецам. Царствуйте, благоденствующие свиньи!“ Начинаются рассказы: автор изобличает, между прочим (стр. 60), русских нигилистов, которые занимались ниспровержением авторитетов: по их мнению якобы выходило, что „Огюст Конт — дурак, Стюарт Милль — болван, а вот г. Чернышевский — умный“. Читатель (уже другой) прямо по странице жарит чернилами: „До этого места можно еще читать столь мало впрочем вероятное предположение, что автор действительно попал в какой-то омерзительный круг лиц молодежи; но здесь уже становятся вполне понятными и его вылазки против молодежи и какого они порядка (после упоминания имен Чернышевского и т. д.), в этом не остается сомнения, а дальше читать подобную гнусность человеку, которому сколько-нибудь дороги идеалы 60-х — 80-х годов и сама русская молодежь с тем чистым и высоким, что она создала, нет возможности, нет сил!

Когда грязной рукой бессмысленно озлобленного г-на Незлобина набрасывается позорная картина чего-то невероятно дикого, кажется, что плевок попал в самое прекрасное в человеке, и ужас обнимает при мысли о существовании такой извращенности, как у господина Незлобина“. Не успокоившись, возмущенный читатель продолжает через страницу: „И до какой степени падения нужно дойти, чтобы, исходя из тех воззрений, которые говорят, что Чернышевский чувственник, а проповедь нигилизма была продиктована интересами свободного проявления инстинктов, написать такую гнусную клевету: до чего нужно было быть невежественным и абсолютно неизвестным с революционным движением, чтобы говорить такие глупости. Громадный интерес представляет Незлобин, как нравственный урод, с психологической стороны¹⁾ и очень интересны как данные его характера, ума, так и те впечатления и условия, которые подобное явление создают. Ужасно подумать, что кто-нибудь этой книгой будет введен в заблуждение. Ведь циркулирование самых диких слухов о социализме — обычная вещь“. А за этим идут уже просто ругательства: „идиот, мерзавец“, „мерзавец автор“ „автора нельзя назвать даже подлецом, подлость имеет все-таки свои границы;“ или по поводу суждений Дьякова о критике 60-х годов: „брешет, хотя маленькая

1) Курсив наш

доля правды есть, но иначе нужно понимать это". По поводу его же рассказней о женской эмансипации: „у вас, г. Незлобин, умственный разврат, хотя опять таки доля правды есть, но освещение должно быть совсем другое". А на последней странице уже только одно, впрочем, достаточно выразительное слово, которым любят порой пользоваться современные беллетристы, пишущие рассказы из времен войны и революции.

Можно было бы проследить шаг за шагом, начиная от „Марева" Клюшникова (роман, изображающий общественное движение 60 годов в реакционном освещении; в экземпляре ряд страниц вырван, на полях — бранные слова), продолжая „Кружковщиной" и подобными ей продукциями 80—90-х годов и кончая политическими брошюрами 1916—1917 годов, постепенное нарастание революционного духа в читателе: мы не можем сейчас задаваться такой задачей. Вот еще несколько примеров. Возьмем брошюру Плеханова „Интернационализм и защита отечества". На первой странице находим: „Оборонец, а был истинным с.-д." На следующей: „Великий интернационалист, вождь РСДРП" (другим почерком). В конце: „вот социал-патриот дореволюционный". Вот другая брошюра его же: „Дневник социал-демократа" (1916). На странице 25-ой Плеханов: „когда нас держит за горло рука германского хищника"... Читатель: „капитал, который интернационален". На стр. 26-ой:

„упущенного времени не вернешь“... Читатель: „а потому долой политику бургфридена, политику гражданского мира! Рабочие всего мира, объединенные общим интересом, сбросьте иго капитала“.

Мы нарочно задержались на надписях, которые содержательнее многих иных, нам попадавшихся, и которые являются сравнительной редкостью. Мы не приводим образчиков реакционной читательской критики (попадается и такая — в старых книгах), так как эта „критика“ дальше обыкновенной ругани не идет и за немногими исключениями попросту свидетельствует о глубочайшем невежестве читателя. Но беда в том, что по чисто внешним условиям — малым размерам имеющегося в распоряжении читателей места — всякая критика, выражающаяся в надписях на книге, и не может быть действительно содержательной. В большинстве случаев читатель либо похлопывает автора по плечу („верно!“, „молодец“ и т. п.), либо ругает его более или менее энергично. Его эмоциональные возгласы могут находить во мне, читателе, сочувственный отклик: то, что он пишет, может быть и верно, и не глупо — но оно всегда по существу своему в высокой степени бестактно. Я беру книгу и желаю стать лицом к лицу с автором: но между нами двумя просовывается вдруг некто третий и врывается в наш разговор своими замечаниями и выкриками. Но я не нуждаюсь в его посредничестве! Он, например, утверждает,

что автор „Кружковщины“, как нравственный урод, представляет громадный интерес с психологической стороны: что-ж, я с ним согласен; но ведь из-за его чернилами сделанных надписей я с трудом разбираю строки самого г-на Незлобина и лишаюсь возможности изучать это, может быть, и в самом деле любопытное психологическое явление. И почему он так уверен, что мысли высказанные им, не могут быть высказаны другим, может быть, в десять раз удачнее и выразительнее? Зачем вообще мне он, непрошенный ментор, навязчивый проводник, надоедливо-болтливый спутник? Почему, читая, напр. „Братьев Карамазовых“ Достоевского, я, увлеченный романом, должен вдруг, отрываясь от текста, выслушать: „странный роман Достоевского“, „странный роман странного писателя. Удивительное знание человеческой души. Драматическая структура“, и, далее, по поводу легенды о великом инквизиторе: „не могу выразить, но что-то смутно тут понимаю. Удивительная психология. Немного тяжеловатый слог“ и т. д. Некоторые драматурги любят вводить в качестве действующего персонажа в свой текст зрителя, подающего реплики (см. напр. „Кот в сапогах“ Тика): это разбивает театральную иллюзию, освещает действие светом иронии, дает матерьял для сатиры. Но представьте себе, что этот прием сделался бы правилом для каждой пьесы, что реплики слушателей перебивали бы вам декламацию

актеров, пение певцов, игру музыкантов? Ведь каждый, если на то пошло, имеет право высказаться. Но, с другой стороны, у каждого остается и другое право — не слушать чужих высказываний. Надобно уважать чужую свободу но, с другой стороны, необходимо каждому поступаться своей свободой ради свободы других.

Если принять во внимание то простое обстоятельство, что исписанная книга не годится для чтения и что ее далеко не всегда можно заменить новой, даже если бы наши библиотеки обладали ограниченными денежными ресурсами,—то, кажется, вывод ясен: надписи на библиотечных книгах — преступление по отношению к общественному достоинству и никаких разногласий по поводу того, допустимы они или недопустимы, — быть не может. Но перед нами встает еще один вопрос. А ведь эти надписи, между прочим, ценный материал для характеристики читательских настроений, восприятий и вкусов, матерьял ценный и для историка общественной психологии, и для историка литературы. Сейчас, когда перед последним все настойчивей поднимается проблема изучения читателя, как весьма важного фактора литературной эволюции,¹⁾ — уместно ли лишать права голоса этого читателя, запрещая ему

¹⁾ об этом см. нашу статью „Об очередной задаче ист.-лит. науки“ в журнале „Наука на Украине“ 1922, № 2.

высказать свое мнение, которое лет через десять, может быть, будет драгоценнейшим документом для историка?

Разве не драгоценны для нас надписи на каких-нибудь средневековых рукописях или печатных книгах, надписи, вводящие нас в читательскую среду европейского средневековья или старой Руси? По ним мы можем проследить жизнь книги в читательских сознаниях, по ним иногда совершаются историко-литературные открытия, в них мы иногда получаем путеводную нить, помогающую нам разобраться в борьбе мнений и т. д. Сколько сюрпризов таится, напр., в надписях и отметках, сделанных каким-нибудь писателем на книгах своей библиотеки! Эти надписи и отметки помогли некогда Пушкинской Татьяне разгадать, наконец, существо столь загадочного и столь пленительного для ее воображения Онегина. Вспомним, как она перебирает книги недавнего владельца своих дум:

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живей.
Татьяна видит с трепетаньем
Какою мыслью, замечаньем,
Бывал Онегин поражен,
С чем молча соглашался он.

На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает —
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

И она начинает понемногу понимать, кто такое этот „чудак печальный и опасный“. Подобно Пушкинской Татьяне, историк русской культуры XVII-го века, раскрывая одну из богослужебных книг, напечатанных в это время, побывавшую в руках некоего архимандрита афонской горы Дионисия, — по его замечаниям на полях сразу входит в психологию будущих деятелей русского раскола. Эта книга напечатана хоть и по гречески, но на Западе, а не на Востоке, и ее каноничность сразу взята под подозрение: „архимандрит Дионисий сию у немец печатную книгу рассматривая, на страницах подписал своею рукою на обличение тоя неправых книги словеса бранная, зде писати неприличная“. И, в самом деле, архимандрит Дионисий выражался энергично, в духе религиозной полемики XVII-го века, не смущаясь, как ни как, а все же священным текстом. „Вовсе вракаешь, безумный человеке зде“, — пишет он в одном месте, или: „гораздо бредишь зде, сукин сын, не тако надобне“ и т. д. Как видим, в способности „выражаться“ он не уступал резким критикам вышеназванной книги

Дьякова - Незлобина. Только он писал в XVII веке, а те — в конце XIX-го.

Да, все это чрезвычайно любопытно, все это важно для историка. Но не заботьтесь об его потребностях. История сама о себе позаботится. Евгений Онегин „невольно вопрошал себя“ на книгах собственной библиотеки, архимандрит Дионисий исчеркал книгу, ему лично принадлежавшую, и знаменитые авторы, надписями которых мы дорожим, не бывали уличены в порче книг из общественных библиотек. В конце концов, с книгой, являющейся вашей личной собственностью, вы в праве делать, что вам угодно. Конечно, хотелось бы, чтобы вы и в своем домашнем быту были культурнее, но это уж другая забота, и пока существует личный и частный быт, с вашей интимной некультурностью мы бороться можем только косвенным образом. Но сдержите ваши инстинкты по отношению к книгам библиотечным! Самые невинные надписи могут повлечь тут иногда за собою очень неприятные для вас последствия. С одним русским ученым недавнего прошлого на этой почве случился, например, в девятисотых годах анекдот довольно скверный. Этот ученый, большой знаток византийской литературы и древне-русской письменности, изучал в одной генуэзской библиотеке драгоценную рукопись X-го века и — „из желания читателя оставить свою пометку на книге“, как он сам признавался потом, — в конце этой греческой рукописи

взял да и написал, подражая древнему почерку, свое имя и обозначение места своего происхождения (родом он был из Сибири), месяц и год своих занятий. Расписался и уехал домой, в Россию. И вдруг на страницах одного иностранного учёного журнала появляется исследование этой рукописи, между прочим, содержащее в себе ценное открытие: определяя место возникновения литературного памятника, исследователь, на основании приписки, не замеченной прежними учеными, установил, что рукописью владел в такое-то время уроженец каппадокийского города Севериас или Себериас — такой-то, и что, вне всякого сомнения, данный памятник каппадокийского происхождения. Русский ученый пришел в ужас и, несмотря на советы друзей не открывать преступления, не выдержал и написал письмо одному из заграничных знакомых, а тот напечатал в итальянской газете правду о том, кто был житель Сиверии Каппадокийской. В результате — жестокая отповедь на страницах того же научного журнала по адресу русского ученого, после которой многие книгохранилища стали для него недоступны. Биограф ученого находит, что этот случай рисует его, как человека, — „далеким от жизни, от ее самых простых, всеми усвоенных правил, плохо разбиравшимся в том, что допустимо и что недопустимо для ученого“. Тут „ученый“ собственно не причем: есть шалости, недопустимые вообще для взрослого человека, есть шалости, от

которых следует отучать и детей самым решительным образом¹⁾.

Итак, если вы хотите спорить с автором,—спорьте: в споре вы можете сказать какую-нибудь глупость, и вам же хуже, если эта глупость останется закрепленной на бумаге. Воспитайте в себе чувство общественной ответственности и почаще думайте о других, не о себе только. Библиотечным же работникам необходимо принять самые решительные меры для борьбы с надписывающими. Можно устраивать выставки испорченных надписями книг, организуя публичную демонстрацию всей этой массы проявлений обывательской некультурности, благоглупости, графоманства. Нужно (это и делается, но должно делаться тщательнее) внимательно просматривать возвращаемые книги и принимать соответственные меры против тех, кто возвращает их с „чертами своего карандаша“ или пера. Нужно шире развить возможности общения читателей друг с другом—но не на полях библиотечных экземпляров, а на диспутах и беседах. Наконец, если обнаружится, что читательский зуд по отношению к некоторым книгам совершенно неискореним—можно пускать такие книги с белыми листами, вплетенными между страниц: так и „драгоценный материал“ для исследователей будет

¹⁾ См. об этом „Русский Исторический Журнал“ 1918, кн. 5, стр. 349—441.

собран и текст книги не пострадает. Последняя мера особенно удобна была бы для несчастных книг того педагогического кабинета, о котором рассказала в вышецитированной заметке т. Смирнова. Но вообще должно признать порчу общественных книг недопустимой, особенно в наше время, когда прежнему, дореволюционному отношению к общественному, — „казенному“ — добру, не должно быть места.

Проф. М. АЛЕКСЕЕВ

ГИБЕЛ — КНИГ

ГИБЕЛЬ КНИГ *)

К числу предрассудков человека принадлежит вера в бессмертие книги. Умирает писатель — книга остается: эта уверенность успокаивает тревогу писательского самолюбия. Книга — это прекрасный друг в часы одиночества, — поет арабский поэт, — прекрасный знакомый в чудной стране; она, как дивный цветник, в котором распускаются бутоны роз, как июньское облако, посылающее жемчуг из каждой капли, точно из раковин, как обильный рудник, в котором серебро и золото без конца, как чудесное торжище, на котором найдешь, что ни пожелаешь...

Факты говорят иное: книга живет и умирает, когда наступит ее пора. Исчезновение книги почти неизбежно: ее не спасут ни прочный переплет ни заботы ее владельца. Из тысячи книг выживет одна, если случай доставил ей место в надежном книгохранилище: остальные погибают не потому, что о них забыли или потому, что они не нужны, а просто потому, что они подвержены действию многочисленных разрушительных сил.

*) Примечания к этой статье помещены в конце книги.

Почему от античной и средневековой литературы время донесло до нас только жалкие остатки, а от старопечатных изданий остались только единичные экземпляры? Куда, вообще, исчезает книга? Каковы причины ее исчезновения и почему она становится редкой? Книги жили, пока были нужны и умерли естественной смертью, чтобы освободить место следующим книжным поколениям, возобновить производство и производительность. В их смерти некого винить: в известном смысле ее можно назвать даже спасительным исходом. Что было бы с нашими книгохранилищами, если бы, на ряду с бесконечным и очень быстрым их пополнением, не было и их исчезновений? Настал бы момент, когда книг оказалось бы слишком много.

Впрочем, есть и сейчас библиотеки, которые больны собственным богатством и потому почти недоступны для пользования... И дело не в книжной оболочке: хорошая книга обладает способностью менять ее очень часто, — уничтоженная в первом издании, она возрождается к жизни во втором или в третьем. Здесь действует общий закон исторической жизни; нет ничего более неизбежного, чем разрушение общих форм, идей и созданий: они погибают для того, чтобы воскреснуть вновь в ином образе или новой одежде¹).

* * *

Есть, однако, большая разница между естественной и насильственной смертью; по отношению к книге чаще приходится говорить о второй. Мы понимаем, конечно, что книги часто погибают от случайных причин: пожары, наводнения, народные бедствия, войны, нашествия и грабежи губят книгу вместе с прочим имуществом. Но, в действительности, гораздо больше уничтожений приходится вовсе не на эти исключительные эпохи, а на эпохи, наименее обильные потрясениями: в одном случае гибель книг очень заметна и сразу бросается в глаза, в другом — уничтожение идет незаметно, но медленно и верно.

История книги учит нас, что массовые уничтожения ее никогда не прекращались: известия об этом от глубокой древности идут вплоть до наших дней. Вавилонский царь Набоноссар, если верить ассирийскому историку, в 747 году до Р. Хр. приказал уничтожить все скрижали, на которых была написана история его страны. Войска Цезаря сожгли Александрийскую библиотеку. В 406 г. брошены в огонь книги Сивилл. В XI веке, по повелению шведского короля Олая, брошены в огонь рунические книги. В 1508 г. при взятии Гренады испанский великий инквизитор Хименес бросил в огонь 5000 коранов. В 1510 году Максимилиан предписал сжигать все еврейские книги, кроме библии. Римляне сжигали книги и евреев и христиан, христиане истребляли античную литературу; крестоносцы уничтожали драгоценные собрания Востока,

испанцы жгли и топили арабскую письменность; английские пуритане уничтожили много монастырских книжных собраний и даже Кромвель сжег библиотеку Оксфордского Университета ²⁾).

Список можно увеличивать без конца: страницы мировой истории сплошь говорят о преступлениях против слова; нам начинает казаться, что огонь гигантского пожара, в котором погибают произведения человеческой мудрости, не гаснет ни на минуту.

Есть у нас факты и из русской жизни. „В декабре 1888 г. в Уральске было предано сожжению 1445 томов книг, которыми три дня топили печи местного хозяйственного управления. В числе сожженных книг были: Спенсер, Милль и полные комплекты „Отечественных Записок“, „Современника“, „Дела“ и др. Это постыдное дело было оформлено актом за подписью трех лиц“ ³⁾. В огромном списке книг, уничтоженных с 1872 по 1902 г., значатся сочинения Лассаля, „История французской революции“ 1848 г. Луи Блана, биография Роберта Овена, основателя социализма в Англии, составленная Артуром Бутом, книга Флеровского „Положение рабочего класса в России“ и даже книги Гюго и Флобера, Гегеля и Уорда, украинский перевод Овидия и романы Мордовцева. ⁴⁾

И, все же, в любом из этих уничтожений была какая-то цель, хотя бы и наивная, бессмысленная и недостижимая. Но что сказать о тех истязаниях,

на которые мы теперь обрекаем наши книги? Мы уничтожаем книгу не из принципиальных несогласий с нею; просто мы уничтожаем все то, что первым попадется под руку: старая газета умирает вместе с философским трактатом, бульварный роман — с книгой стихов. Наша рука уже привыкла к подобным злодеяниям, и мы не сознаем, что тысячи маленьких преступлений, совершаемых тайно, книжным богатствам страны наносят несравненно больший ущерб, чем даже стихийные бедствия. Кто же может ждать от нас почтительного отношения к библиотечным книгам? Разве они лучше тех, которыми мы сами владеем? И разве правдоподобно, чтобы та самая рука, которая завертывает в книгу свой служебный завтрак или подогревает на ней свой обед, только от того, что она находится в библиотеке, сделалась менее жестокой?

* *
*

Книга предназначена для читателя, иначе она бесполезна. Но всякое чтение портит книгу, а посему основное правило библиофила — не давать книги для прочтения и порой даже самому не пользоваться ею. Однако, в этом случае книга становится лишь красивой безделушкой, — при том такой, которой невозможно насладиться даже и за стеклом. И потому грязные и неловкие пальцы, которые пачкают поля и рвут страницы, в известном смысле даже приятны.

ибо свидетельствуют, что книга читается и, может быть, приносит пользу. Я знавал одного библиофила, который с необычайным рвением, наперекор всем библиофилам мира, собирал исключительно порванные и истрепанные книги, с отпечатком пальцев на полях, признаниями в любви на чистых страницах и хозяйственными расчетами на переплетах. Надеженный воображением, он серьезно уверял меня, что экземпляр „Бедной Лизы“ Карамзина, где-то сильно подмоченный, был орошен слезами какой-то ее безвестной читательницы, и способен был приходить в восторг от сделанных на книге безграмотных надписей, достойных тургеневского Петра Зудотешина или героев чеховской „Жалобной Книги“.

И, в самом деле, ведь наиболее сохранными обычно остаются только совершенно бесполезные и слишком скучные книги. Но смерть каждой книги, в сущности, неизбежна в обоих случаях: в первом случае оттого, что ее слишком много читали, во втором — оттого, что она никому не пригодилась и стала упаковочным материалом мелочного торговца.

Обычай пользоваться книгой в качестве упаковочного материала известен уже в глубокой древности. В 1854 году в египетской пустыне на груди одной из мумий найден комок папируса: это были стихи Алкмана, одного из знаменитейших поэтов древности, произведения которого почти целиком утрачены для нас. Быть ли благодарным неизвестному

гробовщику? Если бы ему не пришло в голову воспользоваться поэтическим произведением Алкмана в качестве нагрудника для мумии, быть может, время не сохранило бы для нас и это вдохновение античного поэта. В XIV веке один итальянский ученый, играя в волан, заметил, что его ракета отделана античным пергаментом: он прочитал на ней отрывок из утраченного сочинения римского историка Тита Ливия. Ученый тотчас же побежал к мастеру ракет и узнал, что все остальные части рукописи также пошли на отделки ракет и потому бесследно исчезли⁵). В Российской Публичной Библиотеке хранится книга XIV века, приобретенная в одной из деревень Мезенского уезда, Архангельской губ.: некоторые листы ее имеют следы употребления их при оклейке стен обоями. В 1869 году академику И. И. Срезневскому были присланы из Финляндии 166 оборванных и полуобгорелых листков: оказалось, что это были остатки 48 древних русских книг, среди которых были книги XI и XII века; большинство из них в течение многих лет служили переплетами и обертками финляндских деловых бумаг, закладками и ярлыками. Повидимому, они были унесены шведами из новгородских книгохранилищ⁶).

* *
*

Полное равнодушие к книге, ничем не смягченная жестокость, ничем не оправданное безучастие

губили книгу еще более часто, даже в тех случаях, когда к этому не представлялось никакой необходимости и когда это не приносило никакой выгоды. В 1876 году П. Н. Полевой письмом в редакцию русского исторического журнала известил о любопытной находке, сделанной им в амбарах одного старого помещичьего дома. Большой ворох старых книг и бумаг занимал целый угол в амбаре, другая его часть хранилась в сундуке в кладовой. „Возьмите, батюшка“ — говорит ему хозяйка, — кстати, и угол мне этот очистите; я, признаюсь, и то уже не раз собиралась этими бумагами стены в доме оклеить“. Оказалось, что это были обломки некогда прекрасной библиотеки; среди множества крупных редкостей и книжных диковинок здесь нашлась и связка старых рукописей; это был архив „Литературной Газеты“ 1830-х годов со статьями, стихотворениями и письмами Пушкина, Гоголя, Дельвига, Лажечникова, Максимовича, Туманского... „И все это должно было пойти на обклейку стен,“ — восклицал обрадованный ученый. И все это спасено. Пишу Вам, однако же, не для того только, чтобы поделиться с Вами моей радостью, а отчасти и находкою, но гораздо более для того, чтобы побудить порыться в кладовых и амбарах старых помещичьих усадеб и спасти от крыс или от разрушительных замыслов невежества драгоценные остатки прошлого. Грустно подумать, сколько еще драгоценнейших рукописных материалов и какая

масса старых редчайших изданий идет у нас в России на обклейку стен“⁷⁾).

Было от чего огорчаться: подобные факты встречались на каждом шагу. По смерти известного русского ученого И. П. Сахарова книги и остатки его бумаг были проданы на вес на петербургский толкучий рынок: удалось спасти только очень немного, — в частности, жалкие остатки его богатейшей коллекции снимков с рукописей.⁸⁾ Столь же печальна была судьба книг и бумаг другого русского книголюба, одного из первых русских библиографов — В. Г. Анастасевича. „После его смерти вся его драгоценная библиотека и оставшиеся манускрипты были завязаны в кули и в ожидании наследников свалены в какой-то сарай. Целых двадцать лет пролежали они здесь, в сырости и гнили, пока, наконец, полиция ни решилась их продать с публичного торга. Никто из литераторов не был извещен об аукционе, и явились одни маклаки и маляры, которым была нужна бумага под обои. Они то и купили „кули“ по 30 коп. за пуд. Уже когда все было продано, об аукционе узнал библиотекарь Публичной Библиотеки Ивановский. Он бросился к малярам, но было поздно — значительнейшая часть купленного уже пошла в дело. С большими усилиями Ивановскому удалось спасти кое-что. И можно себе представить ужас его, когда в одном спасенном куле (а поступило в продажу много десятков) оказалось несколько экземпляров

редчайшей книги Розенкампа о Кормчей Книге, много старинных латинских и иных сочинений, а главное, — огромное количество библиографических карточек с чрезвычайно ценными заметками Анастасевича и обширная корреспонденция его с современными литераторами“. ⁹⁾

* *
*

Вандализм и невежество — понятия почти сходные; во всяком случае, первое чаще всего зависит от второго. Как ни бессмысленны и жестоки массовые уничтожения книг, но, если их производят невежественные руки, есть надежда, что зло искоренимо. Против других многочисленных врагов книги могут быть найдены решительные меры и обезвреживающие средства. Мы можем изобрести (впрочем, это уже и сделано) специальные химические составы, которые предохранят книгу от червей, автоматические пылевсасыватели, которые спасут ее от пыли, особые паровые сушилки, которые уничтожают вред, причиняемый им сыростью, влагой, плесенью; мы можем, наконец, сделать огнеупорными наши книгохранилища.

Но — что совсем безотрадно — настоящими и очень грозными врагами книги являются их ценители и знатоки. В библиофилах, коллекционерах и собирателях книга иногда имеет не только своих поклонников и почитателей, но и подлинных убийц. Иные из них собирают красивые переплеты, другие —

выходные листы: они вырывают из книги портреты, гравюры и иллюстрации, и, если такая страсть обращается в маниачество, она грозит неисчислимыми потерями. „Английский коллекционер Джон Бачфорд, рассказывает В. Адарюков, собирал одни только выходные листы, собирал без устали, об'езжал всю Англию и тратил на это огромные деньги. Этим варваром было собрано таким образом сто переплетенных томов одних выходных листов. Собрание это находится сейчас в Британском Музее“. Знаменитый Д. А. Ровинский собирал гравированные и литографированные портреты, вырывал их из книг и говорил, что этим он дает возможность интересующимся исключительно книгой купить дешево дефектный экземпляр. Распространено также обыкновение составлять сборники - томы из отдельных вырванных статей, относящихся к одному и тому же вопросу.¹⁰⁾

Известный русский библиофил С. Д. Полторацкий, много сделавший в области книгоописания, оставил такое странное признание: „Пусть делают, как я; пусть извлекают из всякой книги все то, что в ней есть полезного и любопытного, и сохраняют это, как я, — в картонах, с примечаниями и отметками. Из остальной бумаги делайте, что хотите: завертывайте в нее всякую всячину, закуривайте ею трубку, оклеивайте стены и потолки... Кто велит хранить и переплетать дурную книгу? А ежели занимает она у вас лишнее место, так что тут церемониться:

бросайте скорее книгу в камин, да и концы в воду“.¹¹⁾ Трудно поверить, чтобы он в действительности следовал этому правилу: оно больше похоже на насмешку и при том не вполне безобидную. Однако, с психологией книжной страсти необходимо считаться: она допускает патологические отклонения и граничит с настоящей преступностью.

Воровство — самый распространенный вид преступления. О похитителях книг написаны уже целые исследования. Но воровство в библиотеке не всегда имеет корыстную цель и этим существенно отличается от воровства, вообще. О некоторых таких типичных преступниках стоит рассказать.

Некто Пассионен, ревизуя швейцарские монастыри в XVIII веке, произвел в их библиотеках грандиозные хищения. В тех местах, где за ним особенно следили, Пассионен предпринимал якобы научное изыскание, требовавшее продолжительных занятий. Для этого он просил, чтобы его заперли в библиотеке, из окон которой он выбрасывал особенно редкие книги и рукописи своим подручным, расставленным в подходящих местах. Изощрившись сам в проделках этого рода, он не допускал знатоков близко к составленному им драгоценному собранию¹²⁾.

Об еще более поразительном случае хищения книг рассказывает знаменитый французский философ 18 века Дидро. Он сам сделался невольным участником преступления. Один из страстных поклонников

философа, при каждом посещении своего учителя, приносил ему в подарок изящнейшие и редчайшие книги. Подарки эти наконец возбудили подозрение философа. „Мне чужалось в них что-то подозрительное, рассказывает он; принимая их, я смутно чувствовал какое-то сообщничество, которое могло меня обесчестить“. Расспросы показали, что его подозрения основательны. Почитатель Дидро, шутя и улыбаясь, ответил, что „эти книги все равно не служили ни к чему там, где они находились“.

— Но ты украл их?!

— Слово украсть можно было бы употреблять, если бы я взял их для себя, или, по крайней мере, если бы эти книги были нужны их владельцу. Но уже четыре года, как этот господин не входит даже в свою библиотеку, и я подумал, что эти научные сокровища принесут больше пользы в ваших руках. Когда же Дидро, испуганный и огорченный, стал требовать возвращения книг их владельцу, его почитатель невозмутимо ответил ему: „Ваше требование неисполнимо. Эти книги принадлежали аббату Гатьену. Я был его секретарем и чтецом. Он скончался позавчера, и его библиотека опечатана“. Любопытен и финал этой истории. Наследница аббата отказалась взять книги обратно, и Дидро должен был оставить их у себя. Вместе с ними он взял к себе и своего страстного почитателя, который работал у Дидро в качестве библиотекаря до тех

пор, пока его библиотека не была продана в Россию.¹³⁾

Судебные летописи сохранили, однако, и более тяжёлые истории. В Испании, напр., был повешен один книжный торговец, который убил счастливого обладателя редчайшей книги, известной лишь в одном экземпляре: все улики были на лицо, убийство с целью грабежа доказано. Впрочем, убийца и не запырлся. — Он прямо сказал, что ценил научные сокровища больше всего на свете, что, и убивая людей, действовал только для спасения драгоценностей. Для себя он не просил никакой пощады, а повторял только мольбу о сохранении в прежнем составе его книжного „собрания.“ Перед окончательным приговором, во время прений сторон, обнаружилось, что существует и второй экземпляр этой книги. Подсудимый, сохранявший до того времени полное спокойствие, внезапно начал безутешно рыдать. Когда же председатель выразил свою радость по поводу того, что в преступнике, наконец, заговорила совесть, он поспешил заметить, что его горе глубже и что причина его слез — обнаружение второго экземпляра этой редчайшей книги. Это напоминает другую историю одного французского библиофила: впрочем, последний ограничился только убийством книги. Счастливый обладатель уникала, он нашел однажды второй экземпляр той же книги;

гнев и отчаяние его были так велики, что он купил его и торжественно сжег у себя в печи.

* * *

К счастью, подобные случаи являются лишь исключительными. Кроме того, было бы несправедливо возводить подобные обвинения на библиофилов вообще; ведь именно они своим усердием и трудами, пожертвованиями и вкладами, положили основание крупнейшим государственным книгохранилищам, спасали обреченное на гибель и уничтожение, бережно и любовно охраняли собранное. Но у книги являлись новые враги и снова начинали свою разрушительную работу.

В одной старинной библиотеке мне попался однажды ветхий, истрепанный, вдоль и поперек изъеденный червями томик когда-то издававшегося у нас журнала „Экономический магазин“ (1781). Здесь, с трудом, еще можно было прочесть следующее известие: „О предохранительных средствах, чтоб черви книг не точили“.—„Любителей литературы и наук ныне у нас уже так довольно, что уповаю не излишним будет и следующее замечание. Вред, причиняемый червями и разного рода насекомыми книгам и другим собраниям бумаг, в архивах и библиотеках находящимся, так велик, что Геттингенское ученое собрание задавало из награждения для решения задачу, состоящую из следующих

вопросов: сколько есть разных родов насекомых, которые книгам и другим собраниям бумаг в архивах и библиотеках бывают вредны? Какие собственно материи в переплетах, например клестер, кожу, картон, бумагу и прочее, каждой из оных точит и повреждает? И какие бы удобно производимые и чрез опыт за лучшие оказавшиеся были средства сих насекомых, либо к истреблению либо к удержанию от того чтобы они книгам и другим письменным документам, хранящимся в архивах, вреда не причиняли? Задачу сию решили награждение получил страссбургской медицины доктор и проф. Герман.¹⁵⁾

Пусть задача эта была решена прекрасно. И, между тем, открытие доктора Германа не спасло его книгу от уничтожения и не смогло даже уберечь ту страницу, на которой повествовалось об его важном изобретении. Эта задача, чрезвычайно важная в книжном деле, решается сейчас во много раз лучше.¹⁶⁾

Можно найти тысячи способов борьбы с вредителями книги. Можно бесконечно усовершенствовать способы контроля и воздействия, предупреждений и пресечения. Избранная часть будет спасена, но уничтожение книги не остановится. Попрежнему будут пачкать поля и вырывать целые страницы; попрежнему мы будем уносить с базара нашу еду, завернутую в разрозненные отрепья томов и фолиантов, и в нашем поспешном завтраке забавляться прочтением случайных изречений, мыслей и цитат.

Вопрос о гибели книжной более серьезен, чем кажется с первого взгляда; это — вопрос общего уровня культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. **P. Stapfer.** Des réputations littéraires. Essais de morale et d'histoire. Paris, 1893, p. p. 223-250.

2. **Albert Cim.** Le livre. Paris 1905, t. II, p. p. 262-311. Любопытные подсчеты книжных утрат, которые понесли французские библиотеки во время франко-прусской войны можно найти в статье **Henri Baudrillard** „Les pertes éprouvées par les bibliothèques de Paris en 1870-71“.—„de Bibliophile Français“, 1873 г. t. VI, n 3. 82-94 и № 4, 122-125. У нас такие подсчеты еще не производились. Некоторые указания для древнейшего периода дает работа **Н. В. Волкова** — Статистические сведения о сохранившихся древне-русских книгах XI-XIV в. в. СПб. 1897 („Памятн. древн. письмен.“ № СХХIII). Относительно гибели русских книжных и рукописных богатств в 1917-1919 г. г. отрывочные сведения можно найти в „**Sertum bibliologicum**“ в честь проф. А. И. Малеина, Петерб. 1922, стр. 277, в книге **А. С. Полякова** — „О смерти Пушкина“. П. 1922 (примечания), в брошюре **Ф. Эрнста.** „Художественные сокровища Киева, погибшие в 1918“, Киев 1919. См. еще **В. Адарюков** — Враги книги, „Казанский Библиофил“ 1921, № 2, стр. 15-18.

3. **В. Адарюков**, op. cit. стр. 3.

4. **В. Богучарский.** Из прошлого русского общества, стр. 399.

5. **P. Stapfer**, op. cit.

6. **Н. В. Волков**, op. cit.

7. „Древняя и новая Россия“ 1876, № 10, стр. 210.

8. **В. С. Иконников.** Опыт русск. историографии, т. I, стр. 128-129.

9. Венгеров. Крит. - биограф. словарь, I стр. 524, У. I. Иваск „Русск. частн. библиотеки“, — „Русск Библиофил“ 1911, № 3, стр. 60.

10. В. Адарюков, op. cit., стр. 17.

11. Д. Языков. Библиографические труды С. Д. Полторацкого, „Историч. Вестник“, 1884, V, стр. 335.

12. Albert Cim. Amateurs et voleurs de livres, Paris 1903. В. Горленко. — „Книголюбь и книгокрады“, сборн. „Отблески“, стр. 146.

13. В. Горленко, op. cit. стр. 146-147.

14. В. Горленко, op. cit. стр. 148-152.

15. „Экономический магазин, или собрание всяких экономических известий... в пользу российских домостроителей и других любопытных людей, образом журнала издаваемой“, Москва, 1781, ч. VI, стр. 91-94.

16. „Les ennemis des livres“ par un Bibliophile, Lyon, 1879, pp. 18-19; Houlbert. Les insectes ennemis des livres. Paris, 1903. A. Mavie. La technique du livre, Paris 1908, pp. 301-302, 303-304 и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
Предисловие	3
I. В. Штейн—Библиотечные преступники .	7
II. Проф. А. Белецкий.—Надписывающие на полях книги	51
III. Проф. М. Алексеев—Гибель книг . . .	81

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТРУД“

Харьков, пер. Короленко, 18 (зд. б. Общ. Библ.)

ВЫПУЩЕНЫ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

I. ПО ВОПРОСАМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

- Борович.— Организация и ведение небольших библиотек (опыт практического руководства) стр. 96, X., 1918 г. (разошл.).
его же.— Рабочие клубы, их организация и ведение, стр. 96, X., 1919 г. (разошл.).
его же.— Детский клуб (история одного опыта), стр. 128, X., 1919 г. (разошл.).
„Спутник лектора“, вып. I.— Планы, тезисы, литература. Вступительная статья, ред. и библиография Боровича, стр. 96, X., 1919 г. (разошл.).
Борович.— Как читать народные лекции (опыт методологии), стр. 40, X., 1922 г. (разошл.).
его же.— Пути сближения книги с читателем (опыт методологии культурной работы в библиотеке), стр. 104, X., 1922 г. (разошл., готовится 2-е изд.).
его же.— Инсценировки как метод просветительной работы, стр. 42, I-ое изд. X, 1923 г. (разошл.); 2-е изд. X., 1924 г.
его же.— Книгопродажа как просветительн. работа, X., 1924 г.
его же.— Как читать книгу, ц. 50 к., X., 1924 г.

II. НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЕ ИЗДАНИЯ.

- Гарви, Ю.— Капитал против труда, X., 1919 г. (разошл.).
Ткаченко и Павлович.— Спутник металлиста (для рабочих - металлистов), X., 1921 г. (разошл.).
Семковский, С. Ю.— Что такое марксизм (Дарвин и Маркс), X., 1922 г. (разошл.).
его же.— Людвиг Фейербах, X., 1922 г. (разошл.).
Мюллер - Фрейенфельс.— Поэтика. Вступительная статья проф. А. И. Белецкого, библиография И. Я. Айзенштока и И. Я. Каганова, X., 1922 г.
Кунце, Фр.— Техника умственного труда. Вступ. статья Боровича, пер. В. Рикмана, X., 1923 г. (разошл.).
Руднянский, С.— Беседы по философ. материализма, X., 1924 г.

III. СОЦИАЛЬНАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА.

- Лондон, Дж.— По ту сторону „Щели“ стр. 34, 1-е изд. X., 1923 г. (разошл.); 2-е изд. X., 1924 г. (разошл.).
Блос, В.— Эрих девяносто девятый. Повесть из времен революции 1848 г., стр. 192, X., 1923 г.
Лямсцус, В.— Человеческая бойня, стр. 64, X., 1923 г.

1А 40 коп. + 60

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТРУД“ — ХАРЬКОВ,
ПЕР. КОРОЛЕНКО (б. Петровский) 18,
зд. 6. ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ